РАМИ ГАРИПОВ

СТИХИ И ПИСЬМА

РАМИ ГАРИПОВ

СТИХИ И ПИСЬМА

КИТАП
УФА • 2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос)-5
Г20

Гарипов, Р. Я.
Г20 Стихи и письма / Рами Гарипов. — Уфа : Китап, 2022. — 152 с.

ISBN 978-5-295-07764-7

В сборник включены переводы стихотворений Рами Гарипова на русский язык, а также письма жене Н. В. Гариповой. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос)-5

ТП – 038/22

ISBN 978-5-295-07764-7

© Гарипов А. Р., Гарипова Г. Р., 2022
© Гилязетдинов С. М., дизайн, 2022
© Алибаев З. А., вступительная статья, 2022
© Чураева С. Р., вступительная статья, 2022
© ГУП РБ БИ «Китап» им. Зайнаб Биишевой, оформление, 2022

«ПОКА ЖИВЕШЬ – ГОРИ!»

(искренний свет поэзии Рами Гарипова)

Одним из неотъемлемых качеств, органически присущих народному поэту Башкортостана, лауреату премии имени Салавата Юлаева Рами Гарипову как доброму, жизнелюбивому человеку и разносторонне одаренной творческой личности, является не знающая компромиссов честность и бесстрашная открытость. Его перо было настоящим мечом справедливости, разящим ложь во всех ее проявлениях.

Сгораю, пестуя добро.
Перо, не подведешь?..
Всегда ли будешь ты, перо,
Мечом, разящим ложь?..

Хоть тоньше волоса ты стань —
Лишь правду говори!
Не лезь в ножны, литая сталь, —
Пока живешь — гори!

И он под стать этому поэтически выраженному девизу ярко и самоотверженно «горел», не щадя ни сил, ни жизни своей, без устали освещая для читателей своими строчками путь к правде и истине.

Без вечного горенья, светлой цели
И творчества — безлик и сер твой путь.

Смысл поэзии и понятие «поэт» для Рами Гарипова не ограничивались только рамками творческого созидания. Эти понятия для него составляли неразрывное единое целое со всей многогранной и многоликой жизнью народа, с ее радостями и печалями, горестными и счастливыми минутами. Эти понятия уходили своими корнями к истокам родной культуры, вбирали в себя все мельчайшие подробности многовековой национальной истории славного Башкортостана. Подобно тому, как любимая поэтом Юрюзань «вырывается из груди синих-синих Уральских гор», — его поэтические чувства, напитанные родниками родного башкирского языка и родной культуры, становятся искренней песней и создают уникальную картину общечеловеческого единства, основанного на любви, дружбе и взаимопонимании всех народов.

Пусть людей моя песня, как ты, влечет,
Пусть, как ты, неумолчно она течет,
Отражая степную рань...

У меня сокровеннее нет мечты,
Лишь бы в души людские запала ты,
Песнь души моей, Юрюза́нь!

Понятие «Родина» для поэта дорого, сокровенно и священно отождествлено с кровной любовью к отцу и матери, к впитанному вместе с материнским молоком родному башкирскому языку, к родным уральским просторам и бескрайним полям, к простым труженикам, живущим рядом.

В одном из своих произведений Рами Гарипов образно сравнил свои стихи с подгоревшим ржаным хлебом. Они такие же простые, безыскусные, не вычурные, без какой-либо сдобы и сладкой приправы, они такие же настоящие и без них так же невозможно прожить, как без пропитанного трудовым потом, взращенного на родной любимой земле ржаного хлеба.

Мой стих с горчащим привкусом полыни,
Как будто подгоревший хлеб ржаной.
Не сдобен ты — ни маку нет в помине
В тебе, мой хлеб, ни пряности иной.

Тебя, золой и углем обжигая,
Жизнь припекала так же, как меня.
Не легок ты, но я тебя слагаю,
И без тебя мне не прожить и дня.

Мой стих — мой хлеб, и это не причуда —
Крепка незримая меж нами связь.
Нет ни покоя мне, ни сна, покуда
Творю его, от мира отрешась.

Но на дорогах жизненных, быть может,
Когда невмочь идти во мгле ночной,
Стать снова сильным путнику поможет
Мой стих — мой подгоревший хлеб ржаной.

Искренний свет поэзии Рами Гарипова по-настоящему проникает в сердца и души все новых и новых поколений благодарных читателей. Его стихи учат искренне понимать и любить Родину. Они способны помочь сегодняшним молодым путникам не заблудиться, найти свою дорогу в сложном и противоречивом мире, преодолеть трудности и встать на дорогу добра, мира и созидания, приумножая все лучшее и светлое.

В сборник включены стихотворения Рами Гарипова в переводах Я. Серпина, народного поэта Башкортостана А. Филиппова, Н. Старшинова, А. Решетова, Т. Волжиной, И. Измайловского, В. Потемкиной, Г. Молодцова, С. Чураевой, С. Сагитова, А. Хусаинова. Это только часть произведений поэта, которая переведена на русский язык. Я надеюсь, великолепное художественное слово Поэта, его наследие в последующем будет переведено не только на русский, но и на другие языки мира.

Заки Алибаев,
председатель правления Союза писателей РБ,
доцент БГПУ им. М. Акмуллы

«РАЗ ЕСТЬ МОЙ ЯЗЫК РОДНОЙ...»

Истинно народный поэт получает бессмертие — его поэзия продолжает пульсировать в кровотоке народа поколение за поколением. Ведь народный поэт не просто слагает строки — он меняет словесный код в родном языке. В сознании тысяч людей стихи его словно заново рождаются раз за разом, и каждый раз невозможно представить, что можно было обходиться без них. Их помнят с детства, их повторяют, как заклинание, как молитву.

Двадцатидвухлетний Рами Гарипов в стихотворении «Юрюзань», давшем название дипломному сборнику, уже предвидел свой поэтический путь — уверенно идти от истока, спускаясь с Уральских гор, набирая силу и глубину, не теряя при этом родниковой прозрачности и чистоты.

Прозрачность и чистота — незамутненная искренность — присуща Рами Гарипову с юных лет и ранних стихов. Он не боится быть искренним, не пытается повторять за другими. Поразительно точно, без малейшей фальшивой ноты студент Литинститута Гарипов подбирает слова, чтобы передать ощущения нежности, умиления, грусти, надежды и радости. Первый поцелуй, даже не поцелуй, а лишь греза, мечта о щеках пока не встреченной девушки... Первая женщина, первенец на руках... — обыденно и прекрасно.

Вот в стихотворении «Первый цветок» — влажный снег, вкусно пахнущий близкой весной. Лирический герой переполнен любовью, ожиданием отцовства — первого. Поэтому снег похож на манную крупу, и солнце не подтапливает белый сугроб, а бережно сдвигает ткань с лица любимой женщины...

В стихотворениях Рами Гарипова — с ученических и до поздних — не отыщешь привкус гордыни, любования собой, в них нет конъюнктурного подсластителя, ничего не добавлено ради престижа и моды.

Рами Гарипову претила любая искусственность:

* * *

Всему, что в комнате твоей, — привет!
Привет столу, ковру, оконной раме,

Всему, к чему уже немало лет
Я прикасаюсь бережно руками.

И лишь на подоконнике твоем
Цветам бумажным, не влюбленным в лето,
Не пахнущим ни ветром, ни дождем,
Нет и не будет моего привета.

Прошу тебя, коль мы с тобой друзья,
От тех цветов, что видеть не под силу,
Пока я жив, — спаси мои глаза,
*Когда умру, — спаси мою могилу.**

Казалось бы, типично советская биография — военное детство, погибший под Сталинградом отец, учеба в институте, женитьба, трое детей... Но в том-то и уникальность Рами Гарипова, что все в его жизни — обретения и потери, встречи и расставания, впечатления и размышления — все шло в сердечную топку и возвращалось щедрым жаром всеохватной любви, выраженной в поэтических строках.

Рами Гарипов — редчайший образец и подлинного поэта, и настоящего человека: нежного сына, любящего мужа, отца. «Я узнала о башкирах, об их порядочности, скромности, открытой душе, о красоте твоей Родины, да разве обо всем напишешь. Господи!..» — писала Надежда Гарипова — любимая женщина, супруга, верная спутница, мама его детей. Москвичка, без сомнений сменившая столицу огромной страны на столицу автономной республики, а после — на деревушку в Уральских горах. Пожалуй, иной жены и не могло быть у мужчины столь высокой человеческой пробы.

* * *

И виду не подам я, дорогая,
Что больно мне, что плакать я готов.
Работать буду, устали не зная,
Без вздохов и без жалостливых слов.

---

* Перевод Я. Серпина.

Но, добрая и чуткая на диво,
Ты все, как есть, в глазах моих прочти
И нежными руками молчаливо
Беду мою прижми к своей груди.

И разом схлынет все, что сердце гложет,
И сердце успокоится, любя.
Не это ли и делает, быть может,
*Меня мужчиной, женщиной тебя?**

Прошло и десять, и двадцать, и тридцать лет после первого сборника, а сердце Рами Гарипова не зарастало защитной коростой — продолжало реагировать учащенным биением на красоту и величие мира: на бегущего по росе жеребенка, на цветок, на разнотравье лугов, на птичью песню и бег облаков по небу... Открытое сердце Рами Гарипова вмещало в себя всю радость и всю боль бытия — так уж устроен поэт, призванный быть народным.

Сносят старинные здания, уродуют облик города, поэт отзывается стихотворением «Уфимский вокзал»:

...Нет прежнего зеленого вокзала,
Что молодого Ленина видал.
Совсем другой, каких в стране немало,
Стоит теперь на площади вокзал.

Тот, старый, был как памятник былому,
К далеким зорям возвращавший нас.
Мы зря, видать, дома иные к слому
Приговорить торопимся подчас.

Да мне-то что?
Я не из тех, пожалуй,
О ком припомнят через много лет.
Но жаль, что на путях к тому вокзалу
*И мой невозвратимо стерся след...***

---

* Перевод Я. Серпина.
** Перевод Я. Серпина.

В эпоху советской уравниловки — когда все народы и нации сплавлялись в едином котле — Рами Гарипов отстаивал национальную идентичность. Ему было важно чувствовать ток родной крови в жилах, вкус родного языка на губах. Причем родная кровь для поэта — понятие, не отделяющее от остальных, а напротив, вводящее в большой многоцветный мир. «Черт побери это вавилонское смешение языков!.. — восклицал он в письме к Надежде Васильевне. — Но раз есть мой язык родной, такой же прекрасный, такой же певучий, такой же первородно богатый оттенками, красками, и раз я его люблю до одурения, и раз я знаю, что в будущем времени его не будет (от этого сознания у меня любовь к нему еще сильнее), мне бесконечно жаль, что они на другом счастливом языке не звучат так, как я их пишу на своем бесконечно родном, «на смерть обреченном» языке... (я рыдаю, когда эти строки пишу). О, если бы история могла меня уверить, что жив будет и мой язык в веках, и через сотни лет будут звучать над Уралом башкирские песни, я сегодня бы, сейчас же пошел на виселицу, чтобы своей счастливейшей смертью дать долгую-долгую жизнь языку моего народа...»

Рами Гарипова в свое время критиковали за стихотворение «Родной язык», теперь оно стало программным. В 1972 году Рами Гарипов написал еще одно мощное стихотворение о родном языке — «Струна»:

По очевидной для него причине
С укором говорит приятель мне:
— Как ни старайся, ты — не Паганини,
А все играешь на одной струне.

Все — про язык да край свой, будто мало
Тем на земле — ты оглядись кругом! —
Но старая струна не отзвучала,
А друг, похоже, сделался врагом.

Одна струна!
Но от души народной
Идет ко мне ее тугая нить.
Сто струн других, порвись она сегодня,
Ее бы не сумели заменить.

Ей равных нет — спасая от кручины,
Она сверкает, радуге под стать.
Я — не паук, что нить для паутины
В любом углу готов себе соткать.

Звучит струна, столетья окликая,
И думаешь: в былые времена
Для Пушкина, Шевченко и Тукая
Была священна эта же струна.

Одно над нами солнце, но предела
Нет свету, побеждающему тьму.
И песня соловья не надоела
Мелодией привычной никому.

Родимся мы на свет и умираем,
Заметь себе, не сто — всего лишь раз.
Простор, что мы зовем родимым краем,
Один у нас, язык один у нас.

Мне переборов сотни струн дороже
Одной струны неповторимый звук.
А остальные девяносто девять... Что же,
*Оставь их при себе, мой строгий друг.**

Сберегая башкирский язык, пропуская через свой кровоток, Рами Гарипов — и двадцатилетний, и зрелый — менял его, обогащал, насыщал живительной силой родного Урала. Не зря Гарипов стоит в том же ряду, где перечислены Пушкин, Шевченко, Тукай, создавшие для своих народов поэзию заново.

С годами его творчество стало шире и глубже — как было предсказано в стихотворении «Юрюзань». В него пришло трагическое осознание экзистенциального одиночества, скверного мироустройства. Бесстрашие и мудрость — вот «поздний» Рами Гарипов. Обтесанный до совершенства: снаружи — невзгодами и предательством, изнутри —

* Перевод Я. Серпина.

постоянным кипением мыслей и чувств, работой над собственными стихами и над переводами классиков.

Как написано его последнее стихотворение «Февраль. Буран»! Оно и не написано вовсе — выдохнуто, предсмертно, прерывисто. Строки подобны снегу: словно сдувает одну за другой с каждым порывом ветра. Вот осталось в конечной всего лишь слово... А вот и его смахнуло — вместе с автором. Буран. Февраль. Через несколько дней — 12 февраля — Рами Гарипову исполнится сорок пять.

Казалось бы — просто непогода разыгралась накануне дня рождения, отсюда тоска. Но нет — сорокапятилетний мужчина пытается и не может принять неизбежное. Как вытерпеть эту жизнь? Как вытерпеть смерть? Ледяной буран сбивает с ног, за ним весна — но уже без поэта. Стихнет ветер, очнется мир. Но — без Рами. Останутся только строки, меж которыми скрыта мольба: «пронеси эту чашу мимо...»

Мы, читая, становимся нескромными свидетелями нестерпимой человеческой муки и пугающего величия. Невыносимой нежности и, наконец, силы смирения. Поэт с последним словом опускает голову под гильотину последнего в эту зиму бурана... И толпа читателей замирает в ожидании финального — фатального — порыва ветра в открытое сердце. Мы знаем — сейчас поэт упадет, а он писал — еще живой, предчувствующий, но живой.

Как передать это все на другом языке? Как пережить самому? И — уцелеть? Рами Гарипову не повезло с переводами больше, чем многим его собратьям по цеху. Если тексты тех, кто не вполне обоснованно претендовал на роль национальных поэтов, переводчики «доводили до ума», подправляли, дотягивали до удобочитаемой формы, то Рами Гарипову часто отсекали все, что выше средней установленной планки. То есть — поэзию. В советских переводах она теряет порой непосредственность, начинает говорить выспренно и местами банально. Однако пробивается и пробьется сквозь чужие слова, родником через камни — слишком много в ней жизни. Да, Рами Гарипов провоцирует на перевод — в строки его так легко влюбиться. А соответствовать — трудно. И по-настоящему страшно пойти за поэтом — как бы ни любил! — до предела.

Но эти стихи — живые и жаркие — будут переводить опять и опять. Они звучат все громче и громче, хотя со смерти Рами Гарипова прошло почти полстолетия — сорок пять: ровно столько, сколько он прожил на Земле.

Сегодня, когда уже в глобальном масштабе идут унификация, стандартизация всего и вся, обезличивание, лишение признаков пола, национальности, расы, — возрастает ценность уникального, настоящего. Мужская нежность к любимой женщине и забота о ней, любовь к ребенку, колыбельная для малыша на языке прабабок и прадедов — все это становится столь же редким, как чистая родниковая вода. Как искреннее — не на продажу, не для премий и званий — слово поэта Рами Гарипова.

Светлана Чураева,
секретарь Союза писателей РФ,
председатель Объединения
русскоязычных писателей
Союза писателей РБ

СТИХИ

* * *

На горном склоне в тихий час рассвета
С тобой траву косил я в первый раз.
Ты помнишь, мама, помнишь утро это,
Встречавшее распевом птичьим нас?

Кукушка за рекой, что лентой вьется,
Прокуковала годы на авось.
Ты наточила мне косу, и солнце
На маленькой косе моей зажглось.

С улыбкой затаенной шла ты рядом,
Следя за взмахом неумелых рук,
И ободряла молчаливым взглядом,
И руки крепче становились вдруг.

Ты помогала добрым мне советом:
— Бери, сынок, поуже полосу,
А размахнись пошире и при этом —
Смотри — о камень не ударь косу!

И слушал я тебя, и постепенно
Проворней делалась моя коса.
И вкусно пахло луговое сено,
И падала студеная роса.

И ты, кивая головой, глядела,
Как круче становился каждый взмах,
И у тебя невольно то и дело
Слезинки выступали на глазах.

Вздыхала ты, шагая в ряд со мною:
— Отец бы увидал тебя сейчас! —
Но были мы разлучены войною,
И был давно отец вдали от нас.

И я не знал еще, какие муки
Сносила ты, тоскуя и любя,
Что все умела делать ты, что руки
Из золота отлиты у тебя...

перевод Я. Серпина

РАДУГА

Ты сердце разбудила мне сначала,
Как вешний гром, и, над землей взойдя,
Потом неотразимо засверкала
Мне радугой, возникшей из дождя.

Она горела в сини поднебесной,
Раскинувшись дугою без опор.
И для меня была ты грустной песней
И сказкой, не забытой до сих пор.

Великая любовь владела мною —
Свернуть я мог бы горы без труда.
Пусть кажется порой она смешною,
Но лишней и ненужной — никогда.

Другой я верен, грезами былыми
Все меньше дорожу я, став взрослей.
Но радугой твое сверкает имя,
Как в давние года, в душе моей.

перевод Я. Серпина

* * *

Сгораю, пестуя добро.
Перо, не подведешь?..
Всегда ли будешь ты, перо,
Мечом, разящим ложь?..
Хоть тоньше волоса ты стань —
Лишь правду говори!
Не лезь в ножны, литая сталь, —
Пока живешь — гори!

перевод Т. Волжиной

* * *

Рафаэлю

Как радости не ведает предела
Над первенцем склонившаяся мать,
Так счастлив ты, свое исполнив дело —
Стихи сумев, как надо, написать.

И целый мир, чтоб сердце не остыло,
Готов обнять ты разом, все вокруг
Тебе в ту пору дорого и мило,
И каждый встречный — закадычный друг.

Без вечного горенья, светлой цели
И творчества — безлик и сер твой путь.
Кто б ни был ты, товарищ, в каждом деле —
Желаю я тебе — поэтом будь!

перевод Я. Серпина

ЮРЮЗАНЬ

Юрюзань моя, Юрюзань,
Без тебя не прожить мне дня...
Пусть же волны твои опять
Убаюкивают меня.

Чтоб увидеть земли родной
Бесконечный степной простор,
Вырываешься ты из груди
Синих-синих Уральских гор.

Извиваясь, бежишь вперед.
И, минуя за гранью грань,
О делах Салавата поешь,
Юрюзань моя, Юрюзань...

Ты все время растешь и растешь в ширину,
Ты все время растешь и растешь в глубину.
От истоков своих вдалеке
Ты звенишь чистым голосом день-деньской,
На просторе сливаешься с Белой рекой,
Помогаешь Волге-реке.

Пусть людей моя песня, как ты, влечет,
Пусть, как ты, неумолчно она течет,
Отражая степную рань...
У меня сокровеннее нет мечты,
Лишь бы в души людские запала ты,
Песнь души моей, Юрюзань!

перевод Н. Старшинова

* * *

Всегда передо мной твои глаза,
Слова забуду — глаз забыть нельзя.

В них тайна — трепетная, как звезда,
На них не наглядеться никогда.

Не голубое озеро они,
Они безумной ночи не сродни.

О, серых глаз неповторимый свет!
Я светом тем обласкан и согрет.

И бесконечность солнечного дня,
И мысли, мучающие меня,

И страсти неразгаданный язык —
Все умещается в глазах твоих.

Слова забуду — глаз забыть нельзя,
Всегда передо мной твои глаза.

перевод Я. Серпина

* * *

Спешу я к дому, путник запоздалый,
В родной аул — не близко мне идти.
Ни горные потоки, ни обвалы
Не смогут задержать меня в пути.

Но все вокруг объято тишиною,
Луна восходит медленно в зенит
И в поздний час о чем-то надо мною
С пшеничным полем тихо говорит.

Колосьям впору до земли склониться
На тонком стебле — ноша нелегка.
Чуть слышно дышит спелая пшеница —
В ней аромат парного молока.

Не видно полю ни конца ни края —
Все в золотистых усиках оно.
Я шелушу колосья, выбирая,
Как глазки голубиные, зерно.

И говорит пшеница мне густая:
— Взрастить меня — тяжелый это труд.
Тебя не вижу в поле никогда я,
Не зря ли ешь ты хлеб, созревший тут?

И твердо отвечаю я:
— Давно ли
Здесь первая сверкнула мне заря?
Покуда жив — пою я это поле,
И потому свой хлеб я ем не зря!

перевод Я. Серпина

* * *

Рокочет море, словно ветру вторя.
В лучах зари на синий плес взгляни —
И ты увидишь:
Бесконечно море,
А бесконечность — вечности сродни.

Рокочет море,
Нет ему предела,
А встретились мы с морем первый раз.
Пусть волны гибкое омоют тело
И сердце испытают в добрый час!

И, словно путь мне к морю преграждая,
Встав на дыбы,
Как дикий конь встает,
Ударила мне в грудь волна крутая,
Горька, как соль,
И холодна, как лед.

Ударила —
И, отступив, сказала:
— Иди вперед, коль крепок ты и смел! —
И я пошел, и песню — от начала,
Широкую, как море —
Я запел.
И волны раздвигал я с песней этой,
И песня, неуемна и светла,
Преодоленьем страха, и победой,
И самоутверждением была.

перевод Я. Серпина

БЕЛАЯ НОЧЬ

О каменные плиты то и дело
Дробятся волны — не вздремнуть Неве.
Ночь белая, как будто голубь белый,
Полощет крылья в теплой синеве.
Спит тихий город в белой колыбели,
Лишь бронзовые всадники летят
На скакунах послушных, как летели
И день, и год, и век тому назад.
И снится им, как пламенеет небо,
Как над рекой ползет блокадный мрак,
Как мальчик, плача, просит ломтик хлеба
И слезы замерзают на щеках.
Но думала о нем страна родная
Все девятьсот ночей и дней, когда
К нему спешила, устали не зная,
По белой трассе ладожского льда.
Был долгий бой, и подвигов немало
Свершил народ, и память сохранит
Средь прочих подвиг сыновей Урала,
Бесстрашных и бывалых, как Шагит*.
Встревожив душу, ночь уходит молча —
Ночь парусов и голубиных крыл...
На невском берегу я этой ночью
Пред земляками голову склонил.

перевод Я. Серпина

* * *

Стужа на окне нарисовала
Жарких стран роскошные цветы.
И летят, как бабочки, устало
К ним снежинки, сеясь с высоты.

---

* *Шагит Худайбердин* — один из руководителей революционного движения башкир.

Но мгновенно тают под рукою
Те цветы из инея и льда.
Их красой, их силой колдовскою
Не согреть мне душу никогда.

Только тот цветок, простой и милый,
Душу греет истинным огнем,
Что весной в саду ты посадила
Под моим распахнутым окном.

перевод Я. Серпина

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Под лыжами поскрипывая, снег
Рассказывает сказку мне.
И вслед за мной луна берет разбег —
Без лыж в студеной вышине.

И тени падают наперерез,
И сосны стынут надо мной.
И хрустким снегом пахнет синий лес
И первозданной тишиной.

Заботливо одел седой мороз
Деревья в мягкие снега.
И дремлют звезды на ветвях берез,
И тускло светят жемчуга.

Ты впереди бежишь — и, белокрыл,
Тебе летящий ветер рад.
Твои ресницы иней опушил,
И щеки на ветру горят.

Во сне иль наяву — сквозь полумрак
Уходит за верстой верста,
И я не догоню тебя никак,
Моя любовь, моя мечта.

Прошу тебя — сквозь дымку, на бегу —
Ты разгляди лыжню мою,
Ты разгляди, как ночью на снегу,
Я написал тебе: Люблю!

перевод Я. Серпина

БЕЛЫЙ ПАРУС

Годами ты в мечтах моих живешь,
Как в синем море одинокий парус.
Приблизившись, покоя не даешь,
И не исчезаешь, удаляясь.

На миг один вошла в мою судьбу
Или навек вошла недобрым роком?
Зачем тебя забыть я не могу?
Зачем, скажи, я маюсь, одинокий?

О как мне больно, о как сладко мне
Хранить любовь нетронутой и жаркой!
О как мне страшно думать о тебе!
О как терять тебя мне жалко!..

перевод Т. Волжиной

* * *

Мой источник вдохновенья —
Ты, земля моя.
Мой источник вдохновенья —
Ты, любовь моя.

Без родной земли, без милой
Я и нем и сир.
Вас и радостью и силой
Я провозгласил.

В горе, милая, скорее
Я склонюсь к тебе.
Если же я ослабею, —
Припаду к земле.

И обид недавних стая
Тает, словно дым.
Снова чувствую себя я
Сильным, молодым.

Льется голос мой свободно,
С каждым днем нежней
Для любимой, для народа,
Для земли моей.

перевод Т. Волжиной

РОДНОЙ ЯЗЫК

О родной язык, о красивый язык,
Отца и матери язык!

Г. Тукай

Я, как пчела в саду цветущем, в поле,
Как жемчуга искатель в глубине,
Тружусь, веду свой поиск, и все боле
Родной язык волнует душу мне.

Сэсэна сказ и матери напевы
Для жизни он вобрал, а не для лжи.
В нем колосятся праотцов посевы,
В нем жив мой предок, правнук будет жив.

К народам-братьям с ним прийти я вправе,
Чтоб он звучал средь языков других.
Кто низким вздумал бы язык наш ставить,
Сам не высок тот в помыслах своих.

Чьим сыном без него назваться мне бы,
Чтоб общий подвиг с братьями вершить?
Есть у меня с ним и земля и небо,
Я без него — безвестный, без души.

перевод А. Решетова

СКВОРЕЦ

Он гостем голосистым
Ко мне явился вдруг.
И переливным свистом
Чарует все вокруг!

Запомнил он упрямо
Тот вешний день, когда
Его скворчиха-мама
Пустила из гнезда.

Он, взрослым подражая,
Все делал как-нибудь...
Потом — страна чужая,
Затем — обратный путь...

Далекий путь закончен,
Опомнился скворец
И радуется очень,
Что дома наконец!

Здесь все ему знакомо:
И лес, и водоем...
Он счастлив только дома —
В скворечнике своем!

перевод И. Измайловского

ЖЕРЕБЕНОК

По раздолью трав зеленых —
Аж захватывает дух! —
Скачет степью жеребенок,
И ликует все вокруг.

Он бежит и ветер ловит —
Только звон из-под копыт,
А ужалит в спину овод —
Мелкой дрожью задрожит.

Подрастет, сильнее станет
Иноходец вороной,
И черед ему настанет
Познакомиться со мной.

Напою его водою,
Накормлю его овсом
И помчусь на нем стрелою,
Точно стал я невесом.

И в полете этом звонком,
Чуть примяв в степи траву,
Жеребенка вороненком
Я, как в детстве, назову.

перевод Я. Серпина

ПЕРВЫЙ ЦВЕТОК

На берегу обветренные камни
Покрыты ночью снежною крупой,
Но почки, как коричневые капли,
Нависли над прибрежною тропой.
Земля теплей, улыбчивее стала,
И солнце, набирая высоту,
Издалека снимает покрывало

С ее лица, как белую фату.
Рождается невидимая завязь,
И с каждым днем все ближе тайный срок,
Когда земля, устало улыбаясь,
Подарит солнцу первый свой цветок.
Еще снежинки кружатся над речкой,
Но слышу я, на миг к земле склонясь,
Как бьется чье-то звонкое сердечко
Под сердцем у нее в рассветный час.

перевод Я. Серпина

ГОСТИНЕЦ

Желанному гостинцу из села
Ты будешь, безусловно, рад душою,
Особенно коль мать к нему смогла
И письмецо добавить небольшое.

Чего только в посылке нет!
И пряный мак,
И гусь, застывший в царственном величье,
И мед туда положен, и чак-чак,
Лишь молоко отсутствует в ней птичье.

И рукавицы вязаные тут,
И масло, что завернуто в газету.
И пусть друзья смешным меня сочтут,
Но и газету прочитал я эту.

Хотя фанерный ящик невелик,
Но уместилась вся моя земля там,
Как будто край мой за единый миг
На скакуне я облетел крылатом.

Прошу, друзья, урвав свободный час,
Ко мне на пир: с далекого Урала
Мне звон ручьев и запах влажных трав,
И голос гор в посылке мать прислала.

перевод Я. Серпина

* * *

И виду не подам я, дорогая,
Что больно мне, что плакать я готов.
Работать буду, устали не зная,
Без вздохов и без жалостливых слов.

Но, добрая и чуткая на диво,
Ты все, как есть, в глазах моих прочти
И нежными руками молчаливо
Беду мою прижми к своей груди.

И разом схлынет все, что сердце гложет,
И сердце успокоится, любя.
Не это ли и делает, быть может,
Меня мужчиной, женщиной тебя?

перевод Я. Серпина

* * *

Наде

Будет нелегко тебе со мною:
Ждут меня туманы впереди,
Молнии над крутизной ночною,
Долгие, постылые дожди.

Будет нелегко тебе со мною:
Ты устанешь от забот моих.
Может, и в любви моей порою
Молча усомнишься ты на миг.

Рассмешу тебя и успокою,
Пополам — и радость и беда.
Будет нелегко тебе со мною,
Но не будет скучно никогда.

перевод Я. Серпина

* * *

Как мачеха, полночная луна
Глядит на нас — холодная, чужая.
Последний раз гуляем допоздна,
Последний раз тебя я провожаю.
Все кончилось у нас — любовь ушла,
Погасло в сердце трепетное пламя,
И обступает нас густая мгла,
И тени хмуро движутся за нами.
Вот старый сад — и дальше нет тропы,
Боярышник нахохлился уныло.
Не цвет его, а острые шипы
Пусть спросят у тебя про все, что было.
А я уйду.
Прощай! — Но почему
К тропинке тяжко прирастают ноги,
И свет струится, размывая тьму,
И месяц улыбнулся меднорогий?
И соловей, притихший было, вновь
Звенит в саду, и словно тают тени,
И к сердцу возвращается любовь,
Как незабытое стихотворенье...

перевод Я. Серпина

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Последний лист сорвался с чернотала,
Кружась, упал на снег пушистый он.
Давно зеленой краски в нем не стало —
Был к смерти желтый лист приговорен,
Когда упал на снег пушистый он.

Настанет срок — и упадешь ты тоже,
Как этот лист, лежащий невдали,
И станешь на осеннем бездорожье
Частицею нехоженой земли —
Как этот лист, лежащий невдали.

И деревце пробьется понемногу
Из-под земли, и в корне наконец
Заголосит окрепнувший птенец...
Кто выдумал,что смертен я? Ей-богу,
Сказать такое может только лжец.

перевод Я. Серпина

* * *

Последний раз, курлыча на рассвете,
Летящий клин прочертит небосклон
И унесет с собой осенний ветер,
Как пенье труб, прощальный медный звон.

И будешь ты со взгорка, над долиной,
Следить, как тает караван вдали,
Как будто сам за грустью журавлиной
Летишь и ты, не чувствуя земли.

Как сладок путь, как тягостно прощанье!
Но должен ты остаться и понять:
Есть в песне журавлиной обещанье,
Что с ней ты повстречаешься опять.

перевод Я. Серпина

* * *

Земля моя, здравствуй!
Бежит Юрюзань мне навстречу,
Встает Каратау в вечерней сиреневой мгле.
Здесь шел я когда-то с блескучей косой
по заречью,
Валялся ничком на уставшей от зноя земле.
Мне снова бы с песней на скалы забраться,
как в детстве,
Мне б кинуться в травы, дурманные после грозы,
И просто от счастья до боли в глазах нареветься,
До тяжкого вздоха, до самой последней слезы.

Готов улететь в темноту без узды и седла я —
Распутать бы только стреноженного коня —
И мчаться к опушке, на полном лету разрывая
Заслон из березок, летящий в упор на меня.
Чтоб ветер хлестал по горячим щекам до рассвета,
Чтоб били наотмашь зеленые руки ветвей
За то, что так долго, бродя по немилому свету,
Не мог я вернуться к земле незабвенной своей.

перевод Я. Серпина

ГОЛОСА ЗЕМЛИ

На синюю траву пустив коня,
Я собираю ягоды в логу.
И бабочек не счесть вокруг меня,
И сосчитать цветов я не могу.
Кузнечики без устали свербят —
И час, и два, и три часа подряд
Натачивая косы добела.
Неужто им страда не тяжела?
И, облетая пестрый луг, ужель
Пчела мохнатая не устает?
И у кого на свадьбе, словно хмель,
Запенится ее душистый мед?
И отчего, березонька, не мил
Тебе неомраченный небосклон?
Быть может, голову тебе вскружил
Какой-нибудь беспутный ветрогон?
Я каждой ветке задаю вопрос,
Я каждый голос знаю назубок,
И с каждой птицей говорю всерьез,
И привечаю каждый стебелек.
И без конца я слушать их готов,
В рассветной дымке приходя сюда,
Как старую мелодию без слов,
Что полюбилась раз и навсегда.

перевод Я. Серпина

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Мчится, мчится, мчится поезд скорый,
Глаз не отрываю от окна.
Вот они, мои леса и горы —
Милая, родная сторона!..
Глаз не отрываю от окна.
Тук-тук-тук — по рельсам бьют колеса,
Тук-тук-тук — стучит им сердце в лад.
За окном веселый дождик льется
И щебенку женщины кайлят,
И одна мне подарила взгляд!
Неразгаданной загадкой мучась,
Вижу: первобытность не прошла...
От каких причин достались в участь
Женщине лопата да кайла!
Эта боль мне душу обожгла.
На луне сегодня мы, как дома,
Мчат ракеты до иных планет.
Но избавить от кирки и лома
Женщину — еще условий нет? —
На вопрос война дает ответ...
Тук-тук-тук — колеса бьют о рельсы,
В лад колесам сердце: тук-тук-тук...
Сердце, этой женщине доверься...
Я душою понял, как-то вдруг —
Был и у нее любимый друг...
Чтобы ясноглазая на солнце
Любовалась — он сгорел в огне.
Мне, даря цветы, она смеется —
Ей еще рыдать наедине...
Сколько их, без милых, по стране...
Юность без любви перегорела,
Разлетелись пепел и зола.
Стало по плечу любое дело
Женщине, что верность берегла, —
Как заря, душа ее светла!
Сколько их на пашнях и на фермах,
Ставших матерями без мужей...

Дорогие их, в шинелях серых,
Храбро полегли у рубежей —
Нет отцов у многих малышей...
Малышей не спрашивай о папах,
Материнских ран не береди...
Ветерок несет клубники запах,
Стройная березка впереди!
Сердце беспокоится в груди:
В край родной спешу, навечно в память
Этот миг путей впитав сполна.
Женщина с киркой мне сердце ранит —
В ней людская скорбь отражена...
Не забудь, что вынесла страна!

перевод И. Измайловского

* * *

Двадцать лет — ни много ни мало —
С тех пор, как отец не пришел с войны.
Сколько кукушек откуковало,
Откуковало от той весны!
Земля на холмах проросла медуницей,
Не встать, не пройти по траве отцу.
Почему же маме все так же снится,
Что он стоит, прислонясь к крыльцу?
Вот и сегодня, вздыхая тяжко,
Она рассказывает свой сон:
«Те же на нем сапоги и рубашка...
Даже лицом не меняется он...»
О страшные сны — на исходе ночи,
Раненой памяти вечный зов!
И только зубы сжимая молча,
Мы продолжаем дела отцов.
Двадцать лет — по путям, обожженным
Ночными слезами, — за шагом шаг...
Пусть никогда, никогда своим женам
Мы не приснимся так!

перевод Я. Серпина

* * *

Не может взрослый снова стать ребенком,
Но детство — мир, всегда открытый нам,
Как даль открыта радостным и звонким,
Не ведающим устали ветрам.

И если хочешь ты в него вглядеться
И увидать, каков он изнутри,
То удивленными глазами детства
Ты на него еще раз посмотри.

И все уйдет: усталость, боль и тяжесть,
И ночь тиха, и вольно дышит грудь.
И если солнцу ты взойти прикажешь,
Оно взойдет и озарит твой путь.

перевод Я. Серпина

КРАСОТА

Говорят, красота деревьев — листья.
С этим я без слова соглашаюсь.
Если ж красота людей — одежда,
Как бедна такая красота...

Есть иные — лишь одежку видят,
По одежке встретят и проводят,
То ковром стелясь перед тобою,
То, как пни, не шелохнут душой.

Есть такие — жаль их бесконечно,
Об одной одежде лишь пекутся, —
Смотришь: как она красива, только,
Только человека-то в ней нет!

перевод А. Решетова

МАЛЬЧИК И МОРЕ

Помрачнело море, помутнело...
Что стряслось с ним, люди не поймут.
Ветра нет, а волны оголтело,
Бешено у берега ревут.
Будто зверь голодный, с злым оскалом,
Море, не вмещаясь в берега,
Ищет жертву — на крутые скалы
Лезет, будто черту на рога.
На мальчонку смотрит зло и косо,
Словно приготовилось напасть.
...Ну а мальчик ходит по откосу,
Камушки кидая в эту пасть.

перевод А. Филиппова

КАВКАЗУ

Тотырбеку Джатиеву

В папахе белой в предрассветном дыме
Ты, оглушенный рокотом волны,
Стоишь на берегу морском, босыми
Ногами наступив на валуны.

И пеной омывает в час восхода
Тебя волна, как верная жена,
Дождавшаяся мужа из похода, —
И встреча ваша радости полна.

Пусть осенит вас небосвод лучистый,
И пусть Кавказ, — от солнца горячи, —
Навечно обратятся в остролисты
Твои кинжалы и твои мечи!

перевод Я. Серпина

* * *

Лишь отгорит заката позолота,
Мне в сумерках мерещится: вот-вот
Ко мне сторожко постучится кто-то
И в комнату доверчиво войдет.

Но тишина глуха и нерушима,
Я зря сижу, дыханье затая:
Никто ко мне не постучится —
Мимо в который раз прошла любовь моя.

Не улыбнулась, слова не сказала,
Прошла — и не заметила в пути...
Любви, как видно, ждать на месте мало —
Ты должен сам навстречу ей идти.

перевод Я. Серпина

* * *

Боишься ты — и это не секрет —
Судьбу свою связать с моей судьбою.
Тревожны думы, и покоя нет,
И нелегко поладить нам с тобою.

А между тем захочешь — и зарю,
И месяц, что в ночном плывет тумане,
И целый мир тебе я подарю,
Исполню каждое твое желанье.

Поэту, как кудеснику, ей-ей,
Открыты тайны волшебства любого.
Ты только прикажи — в руке моей
Потухнут звезды и зажгутся снова.

перевод Я. Серпина

РЖАНОЙ ХЛЕБ

Мой стих с горчащим привкусом полыни,
Как будто подгоревший хлеб ржаной.
Не сдобен ты — ни маку нет в помине
В тебе, мой хлеб, ни пряности иной.
Тебя, золой и углем обжигая,
Жизнь припекала так же, как меня.
Не легок ты, но я тебя слагаю,
И без тебя мне не прожить и дня.
Мой стих — мой хлеб, и это не причуда —
Крепка незримая меж нами связь.
Нет ни покоя мне, ни сна, покуда
Творю его, от мира отрешась.
Но на дорогах жизненных, быть может,
Когда невмочь идти во мгле ночной,
Стать снова сильным путнику поможет
Мой стих — мой подгоревший хлеб ржаной.

перевод Я. Серпина

* * *

И лучшее, ненайденное слово,
И лучший день — все будет, дайте срок.
Взойдет заря торжественно и ново,
И праздник слова ступит на порог.

И если конь, вперед меня неся,
Падет, пути не выдержав впервые,
И мне попасть на праздник тот нельзя —
Меня на нем заменят молодые,
Со мною не знакомые друзья.

Пусть не судьба мне путь найти к их дому —
Помянут все ж добром они меня
За то, что честно языку родному
Служил я, чистоту его храня.

перевод Я. Серпина

* * *

Песня сложена, чтоб жить.
Пыли песню не покрыть!
Молодеть ей, расцветать,
В ногу с временем шагать!

В том лишь песни смысл и лад,
Что она для нас как клад,
Как природа-мать, она
Вдохновением полна.

Коль бездушный запоет —
Душу в песне обретет.
Сонный к песне приобщится —
Прежней спячки устыдится.

перевод Т. Волжиной

* * *

И ветра шум, и зыбь листвы кленовой,
И шорох трав, и каждый из людей,
И мимолетно брошенное слово —
Все оставляет след в душе моей.

Иной про сказанное позабудет —
Его и не найти уже нигде, —
А слово, оставаясь, волны будит,
Расходится кругами по воде.

Я не ропщу, и волны не в ответе
Перед рекой, что им покоя нет.
И, как река, под солнцем волны эти
Я превращаю в серебристый свет.

перевод Я. Серпина

* * *

Желтые листки стихотворений
Осень раскидала, разорвав.
И читает ветер их осенний
Над последней прозеленью трав.

Почему же люди, не читая,
Топчут их, как будто в свой черед
Хмурая, студеная, седая
Никогда к ним осень не придет...

перевод Я. Серпина

ПОЛЕТ

Не вините меня, упрямого...
Может, мне и не по плечу, —
Но без устали с детства самого
Все куда-то лечу, лечу.
Жизнь моя — и взлет и падение.
Сам — земной, глаза — на луне.
Увлекала меня вселенная —
На Жар-птице летал во сне!
Со стогов и с коней — падал идолом,
Бросил все и — в аэроклуб!
В небо мертвые петли вписывал,
Я на выдумки был не скуп.
В первый раз обнимая милую,
Все летел в какой-то провал...
Поцелуй дал крылья орлиные,
С той поры я мужчиною стал.
С космодрома ушел отставленный, —
Знать, ненужным сочли полет...
Но, дыша негасимым пламенем,
Мое сердце летит вперед!
Коль отдача огня — так полная —
Сердце учится у ракет.
Счастлив тот, кто сверкнет как молния,
И оставит свой в жизни след!

перевод И. Измайловского

БЕССМЕРТНЫЕ

Лишь смерть не умирает на земле.
Все прочее, земное — смертно.
Ее не миновать скале, золе...
Но смерть порой таит бессмертье.
Нам и поныне виден тот костер...
Сгорая, римлянин Джордано
Бессмертье к нам через века простер,
Вставая над кострами Ватикана!
И подступала к Галилею мгла:
«Мысль?.. Отрекись! Дни жизни куцы!..»
«А все же вертится она!» —
Твердили губы гордого безумца!..
А нынче среди нас бредет она,
Бормочет: «Что ж я, что ж я натворила?!»
Огонь не выжег пламени Лазо,
Чапаю в берегах Урала тесно.
Они — средь нас. И всем смертям назло
Навечно остаются песней!
...Лишь смерть не умирает. Ну и что ж?
Живи, вдыхая ветер знойный!
Ты не бессмертен. Нет! Но коль умрешь —
Умри бессмертия достойным!

перевод Т. Волжиной

КЛИЧ МИРА

Поколению двадцатого века,
Опаленному зноем войны,
Снова снятся военные ветры,
Снова снятся военные сны.
Но не спят ветераны,
Вновь болят у них раны,
Поднимаются страны
Сурово против войны.
До сих пор со всех широт
Слышен горький плач сирот.

Та война, про которую помним,
Нам беспечными быть не велит.
Будьте бдительны, люди, сегодня,
Если враг, затаившись, не спит.
Нашу правду и счастье,
Наше кровное счастье
Враг грозится на части
Отнять у нас и разбить.
Только правде — не упасть!
Только счастье — не украсть!
Белый свет окунается в пожары,
Стоит кнопку в безумье нажать.
Легче камень отвесть от удара,
Чем в полете тот камень поймать.
Нет, не спят ветераны, —
Вновь болят у них раны.
Поднимаются страны
Сурово против войны...
Чтоб всегда наш мир беречь,
Мы надежно держим меч.

перевод А. Филиппова

ЧАЙКИ

1

Сизые молнии
Трепетных чаек
В синем безмолвии
Ветер качает.

Парят полусонно,
Крылья — вразлет.
Гляжу восхищенно
На их полет.

Крылья, как белый
Натянутый лук;
Клювы, как стрелы,
Звенят вокруг.

Чайка крылатая
В воду глядится...
И сизыми птицами
Море гордится.

Ах лучше бы нам
Вместо них заиметь
Не руки, а крылья,
Чтоб гордыми птицами
В бездонное небо взлететь.

2

Но я неожиданно
Нынче увидел
Трагедию чаек.
И вот до сих пор
Я слышу их дикий,
В какой-то обиде
Затеянный утром
Безудержный спор.

Сидели на острове
И гоготали,
И клювами острыми
Друг друга клевали.

Лишь золотело
Угрюмой улыбкой
Блестящее тело
Истерзанной рыбки.

Гордые чайки,
Ужель это вы
Драку затеяли
Из-за плотвы?!

3

Нету ни духа
Былой красоты,
Лишь звездочки пуха —
За полверсты.

А ведь могли бы
Без драки, не споря;
Наверное, рыбы
Хватило бы в море?

Пожалуй, напрасно —
Радостным днем
О чайках прекрасные
Песни поем?

Мы — люди!
И мы не похожи на чаек;
С улыбкой на лицах
Опять отмечаем,
Что белые птицы
Со всех сторон
Бывают порою необычайно
Похожими очень
На черных ворон.

перевод А. Филиппова

ЖАВОРОНОК

Распелся нынче жаворонок рано.
Еще ледок не стаял у ворот,
Еще в снегу заречная поляна,
А жаворонок — слышите! — поет.

То с высоты срываясь заповедной,
То просверкнув над речкой голубой, —
Уходит вверх, звенит бубенчик медный
И землю поднимает за собой.

И песня вешняя светло струится
С упругих листьев, бьющих о зенит.
...А это, может, вовсе и не птица,
А просто сердце поутру звенит.

перевод Я. Серпина

СНЕГИРИ

До вешней травки докопаться силясь,
Наст пробивали грудкой в час зари
И, грудки окровавив, воротились
Под утренней метелью снегири.

И поклевать семян засохших сели
Они на клен, и стихла веток дрожь,
И стал белесый клен в дыму метели
На яблоню веселую похож.

И яблоки, багряны и упруги,
На снежную слетали целину,
Чтоб снег поджечь в завьюженной округе
И разбудить красавицу весну.

И было интересно мне: смогу ли
Собрать со снега и со льда.
Но яблоки крылатые вспорхнули
И унеслись мгновенно — кто куда.

Ах, годы, годы...
Крылья напрягая,
Весна летит к нам с птицами опять.
Другой в ней свет, и нежность в ней другая,
А птиц, как встарь, руками не поймать...

перевод Я. Серпина

* * *

Студеный лес глядит в твое окно —
Душа, заиндевевшая до срока.
Но и под снегом, выпавшим давно,
Жива трава и стебли полны сока.

перевод Я. Серпина

* * *

Сегодня желтый, пасмурный рассвет.
Куст облетевший вздрогнул и затих...
Уходишь ты, остался только след
Степной полыни на губах моих.

Молчит земля, молчит из края в край,
Она — как ненастроенный курай,
Как холод опустевшего гнезда,
Покинутого птицей навсегда.

Не разомкнуть усталых, тяжких век,
На сердце горечь — больше ничего...
О, жалок в этом мире человек,
Когда уходит песня от него!

перевод Я. Серпина

ОБЛАКА

Над речкой — блеклой, как полуда,
Над склонами издалека,
Бог весть куда, бог весть откуда
Плывут неслышно облака.

Их ветер прижимает к склонам,
К макушкам сосен вековых,
И сосны гребешком зеленым
С утра расчесывают их.

И с влажных прядей вдоль отрога
Стекают капли там и тут...
Как мысли, медленно и строго
По кручам облака плывут.

перевод Я. Серпина

* * *

Зоревой петух поет,
Сумрак предрассветный...
Почему же я один
На тропе заветной?..

Зоревой петух поет,
Скоро ль рассветает?..
Мою милую теперь
Другой обнимает.

Зоревой петух поет,
Гонит месяц в тучи...
Как заря, взошла любовь,
А ушла, замучив.

Перевод В. Потемкиной

ПЕСНЯ ГОРИЦВЕТА

Горицвет я, горицвет,
Мне не тесен белый свет,
Белый свет — мой дом и лад.
Ладно в свете — в доме лад.

Как желаю — захочу,
Так живу да хохочу.
От меня несчастья нет —
Я лишь добрый горицвет.

Я всему живому рад —
Жить! Без смерти, без утрат!
Нет утрат — и горя нет.
Горицвет я, горицвет!

Перевод Т. Волжиной

* * *

Люблю влюбленных я,
Неповторимой силой
Влюбленные отмечены всегда:
И девушка поистине красива,
И парень перед нею — хоть куда!..

Но сам я стал иным, теперь такие чувства
Давно обходят за версту меня...
Не потому, что сердце стало пусто, —
Взнуздала ты ретивого коня.

перевод Г. Молодцова

* * *

Пришли без стесненья на склоне дня
В шалаш мой, чтоб песни послушать устало,
И рядом уснуть как ни в чем не бывало,
Меня не смущаясь, смущая меня!

Я встать не могу и уйти не могу:
На девушек спящих гляжу — не девчонок.
Просторен шалаш мой, и я не ребенок,
Не мальчик, что пас табунок на лугу.

Горбатая лодка. Река в забытьи.
Конь щиплет траву над излучиной спящей.
Все просто и странно.
В березовой чаще
Звенят сумасшедшие соловьи...

перевод Я. Серпина

* * *

Смеялся я легко, не умолкая,
Бездумно — будто и печали нет.
Какая фея, девушка какая
Мне возвратит былые двадцать лет?
Так это ты!
Тебе сегодня двадцать,
Ты мне весну в подарок принесла,
Заставила проснуться и смеяться,
Забыть про все заботы и дела.
Как я смеялся!
Содрогались горы,
Хохочущая падала волна,
И по небу катилась — прямо к бору —
От смеха обалдевшая луна.
Слова теряли прежнее значенье,
И бешено гремели соловьи

В честь нашего с тобою обрученья,
Во славу удивительной любви.
И Млечный Путь вприсядку шел над нами,
Во тьме ночной прерывисто дыша.
Медведица весенними ветрами
Нас щедро обливала из ковша.
Я пел и хохотал, глотая ветер,
Горячими слезами опален.
Все сном казалось.
Только на рассвете
Я понял вдруг,
Что это был не сон...
Чем заплатить могу я на прощанье
За свет — единственный в моей судьбе?
Я — только песни жаркое дыханье,
И песню оставляю я тебе.

перевод Я. Серпина

* * *

Ты, может быть, не так уж и красива,
И это я, у мира на виду,
Во власти вдохновенного порыва
Зажег тебя, как яркую звезду.

Как я мечтал, чтоб радостью дышала
Любовь, испепелившая меня!
Кружилось небо и земля дрожала,
Когда ты возникала из огня.

Сверкает красота твоя, покуда
Живет мечта.
Пусть это не навек,
Но коль однажды сотворил я чудо,
То, значит, я и вправду — человек!

перевод Я. Серпина

* * *

Березка мне твоим казалась станом,
Глазами голубыми — васильки,
Когда мы шли по утренним полянам
И по лугам искристым вдоль реки.

В бору, где травы молоды и дики,
Две ягоды в мерцающем огне,
Две красных капельки — две земляники
Ты сорвала и протянула мне.

Те огненные ягоды мне любы,
Я вкус храню их — терпкий искони,
Как будто и не ягоды они,
А девичьи пылающие губы.

перевод Я. Серпина

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Отвесный дождь и солнца свет.
Дождем струится солнце — просто диво!
Ты видишь — я тебе в ответ
Сквозь слезы улыбаюсь молчаливо.

Любовь желанная моя —
Свети мне, солнце, сердце согревая!
Беда незваная моя —
Томи мне сердце, непогодь лихая!

Пусть в небе голубым огнем
Играют молнии над мглою зыбкой,
И катится тяжелый гром,
И слезы льются, и дрожит улыбка.

Отвесный дождь и солнца свет,
И если вспыхнет радуга, быть может,
То пусть она, как четкий след,
Меж нами мостик выгнутый проложит!

перевод Я. Серпина

* * *

Такой голубизны сегодня дали,
Что хочется лететь, а не идти.
Недаром мы с тобой так долго ждали
И вешних дней, и этого пути.

Как иглами, травой зеленоперой
Прошит окрестный дол.
Горит восход,
И песня схожа с лебедем, который
По голубому озеру плывет.

Кто свел нас в это утро голубое,
В дорогу кликнул в этот ранний час?
И мы ль ласкаем ветер над тропою
Иль ветер на тропе ласкает нас?

Ты в голубой ручей ногой ступила,
И жалко мне, что никакая сила
Не может превратить меня в ручей,
Что крут овраг и дальше нет путей.

Цветам голубоглазым у обрыва
Цвести не срок.
Но, оглядись кругом,
Сорви сережку с ивы — будет ива
Для нас с тобою голубым цветком.

перевод Я. Серпина

* * *

Бывает, встретишь девушку такую,
Что только ахнешь восхищенно ты.
Глядишь ей вслед и чувствуешь, тоскуя,
Что до нее тебе — как до звезды.

Ты будешь вспоминать о ней, вздыхая,
И видеть по ночам, хотя и сам
Давно ты знаешь: женщина другая
Тебя ревнует даже и ко снам.

Ты будешь говорить о чем попало,
А про себя, тайком, мечтать о том,
Как та, что невзначай околдовала,
С тобой сидит за свадебным столом.

Но только гостем быть тебе придется
На том пиру — так пой о ней, любя!
Мечта уходит — песня остается,
А разве песни мало для тебя?

перевод Я. Серпина

НЕ РЕВНУЙ

К прошедшим дням, родная, не ревнуй,
Тех, что меня любили, не кляни.
Больною думой виноватых не рисуй —
Не виноваты, милая, они.

Когда меня ты взглядом обожжешь,
Твои глаза подобны их глазам.
Слова любви, что ты произнесешь,
Подобны с теми, как слезе слеза.

Ведь ты в себя, как в радужный букет,
Родных лесов, полей все собрала цветы...
Твоей вины, родная, в этом нет,
Зачем к себе самой меня ревнуешь ты?..

перевод Т. Волжиной

* * *

Быть может, это все в последний раз:
Огонь в груди и блеск счастливых глаз.
Прошу тебя — не смейся надо мной,
Но осень стала для меня весной.

Причудлива она и хороша,
Как радужный рисунок малыша.
И солнечными красками она,
Как трепетным огнем, озарена.

Поблекнет скоро сказки пышный цвет
И станет прахом — красок вечных нет.
Но как светло играют надо мной
Последние зарницы сказки той!

Перевод Я. Серпина

* * *

Мы с детством расстаемся без печали,
Веселых лет бездумно не ценя.
О детство, восседай в забытой дали
На спинке деревянного коня!

И молодость, как детство, быстротечна,
Но как для нас разлука с ней трудна!
О молодость, дружи со мною вечно —
Ты будешь мне и в старости нужна!

перевод Я. Серпина

ФЕВРАЛЬСКИЙ МАЛЬЧИК

Наде

В том году весна не уставала
Лить росу с оттаявших светил.
Соловей руладой небывалой
Сверстников моих с ума сводил.

Будто хлопья пены на кумысе,
По лесам — черемухи настой.
Я его напился и влюбился,
И признался девушке одной.

С нею мы, несмелые, хмелели
На просторах праздничной весны
То ли от цветов, как кипень, белых,
То ли от небес голубизны...

Облетел тот кипень в ветрах мая.
Тяжелеют гроздья — собирай!..
Сам теперь черемуху ломает
Черноглазый, старший наш, малай.

перевод Т. Волжиной

СЫНУ

Азамату

Нашел ты шишку, у реки играя,
И мне навстречу радостно бежишь.
Была б игрушка только, а какая —
Тебе, пожалуй, все равно, малыш.
Играй, сынок!
Светло и жарко лето.
Пока ты мал, игра и есть твой труд.
А кем ты станешь — думать нам про это,
И думы нам покоя не дают.
Чтоб вырос ты — мечтать нам и трудиться,
Не знать порой ни отдыха, ни сна...

Ты с шишкою играешь — в ней таится
Высокая, шумящая сосна.

перевод Я. Серпина

КОГДА СПИТ МОЙ СЫН

Восторженно горящими глазами
Сынишка провожает самолет...
В его глазах пусть так же светит пламя,
Когда взлететь придет ему черед.

Когда влюбленно, пристально и строго
С великой высоты грядущих дней
Взглянув на землю, он поймет,
Как много
Ненужного и лишнего на ней.

Он скорбь и горе выметет с планеты,
Избавит мир от гроз и слез людских,
Переиначит хмурые рассветы
И краски новые найдет для них.

И все ему покажется знакомым
И непривычно новым на земле,
Когда под ним —
Весенним космодромом —
Она растает в розоватой мгле.

Он будет счастлив,
Будет смел и молод,
В просторы неоглядные влюблен,
И наш земной рабочий молот
На серп луны положит он.

перевод Я. Серпина

ПАСТУШОК

«Пастушок»
Тамары Нечаевой

Над степью месяц пас козлобородый
Отару звезд, подобно чабану.
И лег он незадолго до восхода,
На горную свалившись крутизну.
И вились волокнистые туманы
У звезд из-под копытец золотых.
И замечтались горы-великаны,
И ветер над ущельями затих.
И острыми лучами, как рогами,
Пробило солнце предрассветный мрак.
И пастушок на зорьке, в птичьем гаме,
Коров колхозных выгнал на большак.
Потом, остановясь за косогором,
Закинув руки за голову, он
Глядел в зенит тревожным синим взором
И солнце пил, лучами ослеплен.
Над ним все ярче небо розовело,
А он стоял, не слыша, как тайком
Облизывает ветер то и дело
Его бешмет коровьим языком.

И на отца — бывалого солдата —
Мальчишка в эту пору был похож.
И путь его с утра и до заката,
И день его нелегок, хоть погож.
Он трудится как надо, честь по чести,
Ждет писем с фронта, затаив тоску.
Но солнце на закате с черной вестью
Придет, померкнув, нынче к пастушку...
Прости меня, мальчонка босоногий:
Я растревожил боль далеких лет.
Но как не вспомнить старые дороги,
Встречая вместе розовый рассвет!

перевод Я. Серпина

СУЮНЧЕ*

Будущее счастье хлебороба —
Брошенное в борозды зерно.
Трудишься и днем, и ночью, чтобы
Зазвенело колосом оно!

Трудишься, душою колос грея,
Чтобы он доспел, не заскоруз...
Хочется сорвать его скорее
И, размяв, попробовать на вкус.

Знаю, ты горюешь: — Наказанье...
Если бьют дожди в земную грудь.
Знаю: ты в жару готов дыханьем
Дождевые капли притянуть.

Хлебопашец, все твои надежды
С тайнами вселенной сплетены.
Хлеб, облитый горьким потом, ешь ты,
Но придут и радостные дни.

---

* *Суюнче* — подарок человеку, принесшему добрую весть.

До всего еще достигнет разум,
Наше слово будет, как магнит.
Пожелаешь — ливень хлынет сразу,
Не захочешь — солнце зазвенит!

Звезды те, что сеем в синей стуже,
Принесут плоды.
— Пляши, агай! —
Я скажу, и ты за это тут же
Суюнче немедля мне подай!

перевод И. Измайловского

ПОВАР

Повар нам уху сварил такую!
Кто ее отведает, ей-ей, —
Ошибиться, право, не рискую, —
Тот язык проглотит вместе с ней.

Ставил с ночи, бороздя излуку,
Он на пескарей свой перемет
И не знал, что окуней да щуку
В перемете на заре найдет.

Котелок он в утреннем тумане
Над костром повесил — благодать!
Зачерпнув воды из Юрюзани,
Над ухою стал он колдовать.

Горный лук, и листья мяты спелой,
И щавель — все было на лугу.
Даже песню, что окрест звенела,
Мудрый повар положил в уху.

Косари не зря дивились силе,
Что в ухе таилась наяву, —
Так легко потом они косили
Влажную упругую траву!

перевод Я. Серпина

ТРАВЫ

«Нет вселенной дела до меня,
А мне до вселенной дело есть...»

Рождаюсь я
И снова умираю,
И воскресает снова жизнь моя.
Вселенная!
Ей нет конца и краю,
Но лишь одна былинка в мире я.

А сколько трав на свете бесконечном!
Ведь воскресают так же и они.
Все оттого, что в обновленье вечном!
Их согревают солнечные дни.

Есть трупы меж живущих одиночек,
Кто рядом пал, живет и ныне тут.
В единстве —
В нем одном! —
Душа всех почек —
Ведь травы вместе с травами растут.

Будь одиноки,
Разве бы за лето
Могли бы землю всю покрыть они,
Да разве же они бы шли по свету,
Вздымая к звездам головы свои?

перевод Н. Милованова

ЖИЗНЬ

Мы очень рано с детством распростились.
Жизнь никогда не баловала нас.
Хлестала так, что искры вон из глаз!
И по щеке не раз слеза катилась.
В такие дни мы, губы закусив,

В сердцах твердили:
— Чтоб ты провалилась!
Ну кто придумал, кто, скажи на милость,
Назвать такие муки словом «жизнь»?
В те годы много радостей и бед
Мы очень близко к сердцу принимали.
Так близко, что следы тех лет
На наши лбы морщинами запали.
Нет! Тех борозд ничем стереть нельзя.
И тяжелы они, как пройденное горе,
Хоть часто из-под них глядят глаза
С веселой искрой юности во взоре.
Ах жизнь! А ты чертовски хороша,
Тебя мы строим сами.
И времени тревожная душа —
Живет в делах,
Взращенных нашими руками.
Трудна и упоительна ты, жизнь,
Как восхождение на солнечные кручи!
А вдруг бы мы на свет не родились?..
О нет! Об этом и не думать даже лучше!

перевод Т. Волжиной

* * *

В который раз день без толку прошел...
Пройдет и жизнь — подобная мгновенью.
Ведь это ты так на подъем тяжел,
А время не удержишь, к сожаленью.

Оно умчит досуг никчемный твой,
Звеня стрелой, горячей от полета.
...Свяжи его с упругой тетивой —
Тревогой дня, кипящею работой.

И, на мгновенье замерев тогда,
Оно уйдет в пространство голубое,
И унесет в грядущие года
Все нынче совершенное тобою!

перевод Я. Серпина

* * *

Небеса — голубое стекло.
Кто разрезать сумеет стекло?
Где окно, чтобы вставить стекло?

Если можешь, звезду зачерпни,
Ею, словно алмазом, черкни,
На пути небывалом сверкни!

Твоему вдохновенью дано
В мирозданье прорезать окно.
По плечу тебе стало оно!

Кто обгонит твой разум, народ?
Видишь, линию четко ведет
В небе синем алмаз-звездолет!

перевод Т. Волжиной

ЗАПОЗДАВШИЕ ДОЖДИ

Небо хмурится тоскливо,
И, куда ни погляди,
День и ночь без перерыва
Все дожди, дожди, дожди.

Где, дожди, весной вы были,
Лили вы в краю каком,
Когда здесь от знойной пыли
Задыхалось все кругом?

Туч напрасно ждал я сизых —
В душном мареве без вас
Почернел я весь и высох,
И до времени погас.

Вам шуметь бы не под осень,
Вам, дожди, бы выпасть в срок,
Чтобы сад был плодоносен,
Чтобы в поле хлеб не лег.

...Будь, любовь, со мной в расцвете
Дней моих, не приходи
Пустоцветной, словно эти
Запоздавшие дожди!

перевод Я. Серпина

ПОСЕВНАЯ

Идет посевная, и мне ни минуты
Прожить в эту пору нельзя без тревог.
Я с теплой кровати срываюсь, как будто
Горящей цигаркою пальцы обжег.
Луна, как краюха, висит над стрехою,
И глаз не могу я от звезд отвести:
Рассыпала полночь небрежной рукою
Зерно золотое на Млечном Пути.
И я в темноту вывожу вороного,
Поспешно седлаю коня во дворе,
И в поле ночное гоню его снова,
Гоню его снова навстречу заре.
Чтоб знать,
Не к дождю ли нахмурилось небо,
Чтоб чувствовать,
Пашню завидев вдали,
Томительный запах домашнего хлеба
От влажно дымящейся вешней земли.
В редеющем мареве,
В дымке туманной,
Под слабыми искрами гаснущих звезд
Гремят, как могучие трубы органа,
Тревожные струны продольных борозд.
Я музыкой этой наполнен до края,
И эхо звенит, словно ветер, в ушах.
Не так ли от клавиш,
Виски отирая,
Вставал на рассвете измученный Бах?
...Ребята работают — лучше не надо,
Им помощь моя пригодится навряд.
И все же гоню вороного в бригаду —
А что, если нет табаку у ребят?

перевод Я. Серпина

ЗОЛОТЫЕ ПОДКОВЫ

Кузнецу Самигулле

Вороной, не беспокойся,
Мчи галопом и шагай —
Не оступишься — на совесть
Подковал тебя агай!

Подковами золотыми
Высекай огонь опять...
Здесь девчата — перед ними
Хорошо погарцевать!

Спросят близко иль далече:
— Кто те крылья дал коню?
— Да Самигулла, — отвечу
И джигитов обгоню!

— А Самигулла, который?
Я отвечу: — Ясно, тот,
Что, как бог, стоит у горна
И рукой подковы гнет!

Раскалил железо ловко
И почти что на скаку
Он шутя пробил подковки
Под копыта рысаку!

Заплясал рысак упруго,
Брод — не брод, скала — пустяк! —
И девчата всей округи
Не насмотрятся никак!

Что ж, смотрите на красавца,
Любо слушать, как храпит.
Звезды, вспыхивая, мчатся
До луны из-под копыт!

Подковал кузнец толковый —
От души ему хвала:
Золотые — не подковы,
Золотой — Самигулла!

перевод И. Измайловского

* * *

Ты проведи коня над темной бездной,
Прижавшись боком к выцветшей скале,
Стань беркутом, что падает отвесно
Из поднебесья к дымчатой земле.
Над бешено ревущею рекою,
К седлу пригнувшись и поводья сжав,
Ты по мостку, что струнко лег тугою,
Не оступившись, пролети стремглав.
И высь над Куткантау* прояснится,
И камни, что слоями залегли,
Как древней книги вещие страницы,
Тебе откроют прошлое земли.
И дуб расскажет на холме пустынном,
Как цепко он корнями в землю врос,
Как поднялся ветвистым исполином,
Ни стужи не боящимся, ни гроз.
И песня будет звонкой и широкой,
И душу распахнет перед тобой,
Коль ты придешь к ней не чужой дорогой,
А нетореной, собственной тропой.

перевод Я. Серпина

* * *

Бежит река — горит дуга крутая,
Летит огонь — без гривы и хвоста.
И я, преграды на пути сметая,
Спешу к тебе, как пламя и вода.

Любовь моя мятежна: ненароком
Неосторожным словом сердце тронь —
И разольюсь я пенистым потоком
И вспыхну, как безжалостный огонь.

И если тропки, выбранные нами,
Хоть раз сойдутся, знай наверняка:
Как я, ты тоже обратишься в пламя
И разольешься, как весной река.

перевод Я. Серпина

---

* *Куткантау* — гора в Башкортостане.

* * *

Я снова слышу:
— Что же ты молчишь? —
Но разве же молчу я, дорогая?
Не я ль тревожу утреннюю тишь,
Тебе слова привета посылая?

Не я ли — зов рассветной синевы,
Лучи зари, что звонко заблестели,
Движенье ветра, шорохи листвы
И бег неукротимый Агидели?

И все же снова:
— Что же ты молчишь? —
Будь справедливой — разве же молчу я?
Ты затаи дыханье и услышь,
Как бьется сердце, по тебе тоскуя.

перевод Я. Серпина

* * *

Забыть я этой ночи не могу:
Был в комнате, как в замкнутом кругу,
Стол у окна и два на нем бокала,
И ты вино мне молча подливала.

Забыть я этой ночи не могу:
Не утихая, ветер выл уныло,
И первый свет сочился сквозь пургу,
И ты прощенья у меня просила.

Забыть я этой ночи не могу:
Неслышно разминулись наши зори,
Оставив мне в заклад твою тоску
И слезы, и отчаянье во взоре.

Забыть я этой ночи не могу:
Дороги наши разошлись, а все же
Та ночь — в слезах, в отчаянье, в снегу —
Мне, что ни год, все ближе и дороже.

перевод Я. Серпина

* * *

Мы были, как душа, неразделимы,
Теперь нас двое — кто тому виной?
Различными дорогами пошли мы,
Но все, что было, — то навек со мной.

Со мной — луна и звезды, и восходы,
Со мной — светло бегущая река.
Со мной — незабываемые годы,
Со мной — тревоги, радость и тоска.

Минувшее не повторится снова,
И все-таки я не прощаюсь с ним.
Пусть родилась ты в мире для другого,
Но целый мир ты сделала моим.

перевод Я. Серпина

* * *

Все доброе, что есть в моей груди,
Все, сколько ты сумеешь унести,
Всю одержимость и любовь мою
Тебе навек я, песня, отдаю.
А все ненужное тебе — со мной
Исчезнет, обратясь во прах земной.
И зарастет он ковылем седым,
И белый заяц пробежит над ним.
И белые березки никогда
Тропы тореной не найдут сюда,
И ветер, покружась над ним чуть-чуть,
Взмахнет крылом и свой продолжит путь.
Но если, песня, пережив меня,
Придешь ты к людям завтрашнего дня,
Ты снова им — без хвастовства и лжи —
О звездном времени моем скажи.
Не рвал я глотки, чтобы всякий раз
Внимало время громким словесам,
Но по сердцу прошло оно, лучась,
И сердце разорвалось пополам.

За славой быстротечной не должна
Ты слепо гнаться — не забудь о том,
Что молния вначале нам видна,
А гулкий гром разносится потом.

перевод Я. Серпина

СОЛОВЬИНЫЙ РАССВЕТ

Открой мне тайну, соловей: откуда
Пришла к тебе поэзия сама,
Всевластный голос — истинное чудо,
Не раз людей сводившее с ума?
Для слуха и для сердца человека
Ты вроде волшебства, и потому,
Не понимавший зависти от века,
Завидую я пенью твоему.
Твой голос, разливавшийся в долине,
Будивший спозаранок чернотал,
Ловил Чайковский, слушал Паганини
И Моцарт навсегда запоминал.
Они ль тебе мелодии дарили?
А может быть, ты прилетал в наш край,
Чтобы услышать Магафура или
Загира удивительный курай*?
Когда солдатка песню запевала,
Не ты ли за нее пшеницу жал,
Не ты ли, грудку выпятив, бывало,
Косил ей травы, ловок, хоть и мал?
Не от лугов ли пенье удалое
И трели небывалой чистоты?
Иль струны между небом и землею
Перебираешь крылышками ты?
Иль в россыпях серебряного звона
Я музыку капели узнаю?

---

* *Магафур Хисматуллин* — башкирский певец; *Загир Исмагилов* — композитор.

Иль на заре, забывшись упоенно,
Целует парень милую свою?
Иль это девушка, кумыс готовя,
Смакуя вкус, что с детства ей знаком,
От удовольствия, сдвигая брови,
Прищелкивает часто языком?
От зорь янтарных, что горят над склоном,
Иль от печали крылья все желтей?
Кто запер во дворце тебя зеленом,
Тревожа и лишая сна людей?
И ты без устали поешь, покуда
Не разорвется сердце у тебя.
И нас бы научить тебе не худо,
Как надо петь, тоскуя и любя...

Неужто так душою глух и злобен
Тот, кто упрямо держит меч в руках,
Кто землю соловьиную способен
Без сожаленья превратить во прах?
Не быть тому!
Кусты — в лучах рассвета,
И песня разливается кругом.
И, словно песне удивляясь этой,
Земля прищелкивает языком.
Когда настанет срок мне с ней проститься
И в запредельные уйти края, —
О соловей, бесхитростная птица,
Пусть песня мне сопутствует твоя!

перевод Я. Серпина

ДЕВУШКА С ИРГИЗА

Памяти Хадии Давлетшиной

Море, не вскипай перед зарею,
Волны гулко к берегу гоня.
Что с тобой? Зачем ночной порою
Ты тревожишь и зовешь меня?

Сон мне снился: косы заплетала
Над Иргизом девушка.
Впотьмах
Слышал я прозрачный звон металла —
Звон монет, блестевших в волосах.
Черноока и румянолица
Пела за околицей села
Девушка, и, соскочив с седла,
Попросил я у нее напиться.
Родниковой мне подав воды,
Девушка промолвила с упреком:
— Почему Иргиз оставил ты?
Хорошо ль тебе в краю далеком?
Если навестил бы ты хоть раз
Не во сне — на самом деле нас!
Или ты забыл, что, словно море, —
Песнями томя и веселя,
С островками радости и горя, —
Раздалась башкирская земля?
Разлилась до самого Урала
И цветет — всем грозам вопреки.
И прекрасны песни, как бывало,
И священны эти островки.
Ты б хоть раз от белого прибоя
К нам пришел заросшею тропою!
Но янтарь милей, чем зеленя,
И сверкает море, торжествуя.
Лишь во сне ты в сторону родную
Повернул строптивого коня...

Море, не вскипай перед зарею,
Волны гулко к берегу гоня, —
Не зови и не тревожь меня.
Снится мне предутренней порою:
Девушка, грустя, у камыша
Заплетает косы не спеша...

перевод Я. Серпина

* * *

М. Кариму

Вновь на рассвете море загудело,
Как будто завертелись жернова.
Волна не может обойтись без дела —
Без пота и труда волна мертва.

Как будто в мыле от страды тяжелой,
В косматой пене к желтому песку
Бежит волна и мелкого помола
С собою тащит на берег муку.

О море, море — мельник седоглавый!
И нынче щедро даришь ты, как встарь,
Нетерпеливым — спутанные травы,
А терпеливым — солнечный янтарь.

перевод Я. Серпина

* * *

Земля вокруг черным-черна,
Как струнки, борозды на ней.
Она ядреного зерна
Ждет с каждым часом все сильней.

Склоняюсь к ней, пройдя межу,
И струны пробую рукой.
И кажется, что хлеб держу —
Лучей отвесных сноп тугой.

Ложатся на мою ладонь
Крутые годы и пути.
И песня — только струны тронь! —
Готова птицей ввысь уйти.

перевод Я. Серпина

КУКУШКА

(*Песня*)

Кукушка, скажи,
Расскажи! —
Долго ль под солнцем гулять,
Сколько на свете мне жить,
Радость и горе встречать?
Кукушка, считай,
Начинай!
Ну, веселей: раз, два, три!
Вижу, не станешь добрей,
Но не горюю, смотри.
Кукушка, пропой,
Успокой!
Чашу и счастья и бед,
Прежде чем кануть в покой,
Выпью до дна? Или нет?..

перевод Т. Волжиной

КУРАЙ

Простился кураист, а в шалаше
Курай оставил.
Дай-ка я подую!
По силам мне, ей-ей, и по душе
Сыграть на нем мелодию простую.

Но он, видать, послушен, да не всем,
Он знаться с незнакомцами не хочет.
В чужих руках он холоден и нем,
Не плачет, не смеется, не пророчит.

А как тепло звучал он час назад —
От песни доброй каждый мог согреться.
Но кто-то, словно этому не рад,
Из палочки волшебной вынул сердце.

Молчит курай — седой Урал уныл,
И улетел Журавушка куда-то,
И голову Кахым-турэ склонил,
И отзвенели песни Салавата.

Как будто наши предки никогда
Не возводили Караван-Сарая,
Не шли к Парижу в давние года,
Храня в душе мелодии курая.

И не клялась в любви Салимакай,
И Зульхиза ночами не рыдала,
И где — теперь попробуй угадай —
К Буренушкам тропа берет начало...*

Курай без кураиста нелюдим
И безъязык, и кажется невзрачным.
Лишь комаров гонять ты можешь им,
Коль дымом начинишь его табачным.

Но кураист ушел не навсегда,
Вернется он к замолкшему кураю,
И песня оживет, и песня та
Бессмертной будет — твердо это знаю!

перевод Я. Серпина

* * *

На земле, ликуя и скорбя,
Никогда завидовать не будем
Этим слишком осторожным людям,
Жаждущим покоя для себя.

---

* *«Журавушка»*, *«Урал»*, *«Салават»*, *«Кахым-турэ»*, *«Караван-Сарай»*, *«Салимакай»*, *«Зульхиза»*, *«Буренушка»* — названия старинных башкирских народных песен.

Что таким крылатая мечта? —
Отроду душой они убоги...
Чтобы не упасть, глядят под ноги,
В небе звезд не видят никогда.

Досыта хлебнув добра и зла,
Хорошо во мгле сгореть кометой!
Ошибаться можно в жизни этой —
Лишь бы жизнь ошибкой не была.

перевод И. Измайловского

* * *

Я получил письмо твое...
Сперва —
Уж ты прости — оно меня смешило.
В нем были очень верные слова,
Они звучали скучно и уныло.

Я получил письмо твое...
Потом
Я снова перечел его и снова,
И загрустил: подумал я о том,
Что дышит болью каждое в нем слово.

Я получил письмо твое —
И вот
Сижу над ним с поникшей головою.
И голосом твоим меня зовет
Письмо в невозвратимое былое...

перевод Я. Серпина

* * *

Лети по свету — ты свободна, птица,
Сама себе дорогу выбирай.
Ты можешь к солнцу дерзко устремиться
Иль облететь кругами дольний край.

Лети по свету — ты свободна, птица,
Но только помни, развернув крыла,
Что ты не за решетками темницы —
Что ты в саду поэзии жила.

Лети по свету — ты свободна, птица,
А час придет — и в выси голубой
Тебе, быть может, вспомнится, приснится
Цветущий сад, покинутый тобой...

перевод Я. Серпина

* * *

Когда лечу, то с ветром в лад,
Когда цвету — цвету, как сад,
Когда теку — теку рекой,
Когда стою — стою горой.

Как ветер, мой певучий стих,
Огни цветов в глазах моих,
И мысль, как быстрая река,
И воля, как скала, крепка.

Тепло зари в крови моей,
А в сердце голоса земли.
И песней я бужу людей,
Чтоб люди радость в ней нашли.

перевод Я. Серпина

* * *

Когда блеснула седина в висках,
Как молния, прорезавшая тучи,
Вдруг к сердцу моему притронулась тоска
И громом отозвалась неминучим.

Так неужели молодость прошла,
Навек отпелась в песнях соловьиных?..
Моя весна!.. Давно ль она была?..
А вот уж старость светится в сединах.

Зачем так рано летний день угас
И заморозков засверкали нити?..
Вы — юные, не спрашивайте нас,
На прошлое страны вы пристальней
взгляните.

перевод В. Потемкиной

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Цветы степного молочая
Желтеют всюду предо мной.
Но почему же, расцветая,
Вы так поникли головой?

Или припомнили вы снова,
Как были для детей едой? —
Когда в расцвете никли вдовы,
Как вы, сраженные бедой.

Иль вспомнили вы тех, кто пали
В бою у наших рубежей?
Иль как израненных встречали
Домой вернувшихся мужей?

Цветы степного молочая,
Вы в мыслях у меня, как тень.
Вас на могилах собирая,
И тихо голову склоняя,
Приветствую Победы день!

перевод В. Потемкиной

* * *

Все течет, все изменяется.
Гераклит

Нет весен, из былого возвращенных,
Им, как реке, не обратиться вспять.
Уж если родился на свет ребенок,
Не будет вечно в зыбке он лежать.

Учитель твой свое исполнил дело —
Ты сам кого-то учишь с давних пор.
И первая любовь, что сердце грела,
Погасла, как оставленный костер.

Напрасен спор с изменчивой судьбою,
К истоку возвратился — ну так что ж?
Хоть прежний брод лежит перед тобою,
Ты воду из него другую пьешь.

перевод Я. Серпина

КТО О ЧЕМ

— Крылатый мой! — трубит мне небосвод.
— Мой жадный! — ручеек журчит в горах.
— Неутомимый мой! — земля поет.
— Мой недруг! — хмуро произносит враг.
— Ты брат мне! — соловей звенит ночной.
— Ты волен! — свищет ветер допоздна.
— Ты друг мне! — говорит язык родной.
— Защитник мой! — зовет меня страна.
— Ты одинок! — луна грустит в окне.
— Мечтатель ты! — ей звезды вторят в лад.
— Все хорошо. Одно досадно мне:
— Ты стар! — смеясь, мне девушки твердят.

перевод Я. Серпина

* * *

Наступит срок, друзья, все подытожит, —
Уйду я в запредельные края,
И песни вам оставлю, и, быть может,
В них тайна вам откроется моя.

Я небом был, паря под облаками,
Я был землей, когда ходил по ней.
Я был огнем, когда пылало пламя,
Я был водой, когда журчал ручей.

И настоящим был я, и грядущим,
И прошлым был в стремительном пути.
Так как же мне со всем расстаться сущим,
Как от себя в небытие уйти?

перевод Я. Серпина

* * *

Приходит счастье на пир последним —
Оно всегда — запоздалый гость.
И все же им беспрестанно бредим,
Всегда надеемся на авось...

Кто ждать умеет, к тому, как солнце,
Оно ворвется, хоть на закат...
Но только молодость не вернется —
Она не знает пути назад.

Осталось песнями утешаться —
Нет больше, кажется, ничего...
Вся жизнь моя — это поиск счастья
И возвращение без него...

перевод И. Измайловского

СТАРАЯ СОСНА

И день и ночь шумит, не уставая,
На рыжем взгорке старая сосна.
Какая дума и печаль какая
Ей не дают ни отдыха, ни сна?

Я слышу, как в ее тяжелой хвое
Между собою говорят века,
И долгий гром гремит над головою,
И с темных круч срывается река.

И ветра свист, и смутный гул прилива —
Все слышу я.
Шумит сосна, скорбя,
Сродни моей душе, что сиротливо
Зовет в разлуке день и ночь тебя.

перевод Я. Серпина

РЯБИНУШКА-НЕВЕСТУШКА

Как кротки осени последние объятья!..
Полна тоски ущербная краса.
И эта грусть, как желтое проклятье,
Объяла все долины и леса.

Сухие слезы — красной бронзы ярче —
Роняет листья даже гордый дуб.
Что с ним стряслось? О чем он тихо плачет,
Склоняясь кроной от тяжелых дум?

Иль обожгла рябина терпким ядом,
Багряной веткой тронула легко?
Но если верная березка рядом,
Не быть рябине суженой его.

Ой, ты, рябина! Лета дни минули.
Зажгла ты поздно яркие огни.
Оставь в кистях пылающие угли
И для другого пламя сохрани.

перевод В. Потемкиной

ПОДСОЛНУХ

Золотое блюдечко подсолнух
Мне подсунул прямо сквозь плетень:
Руку протяни и с хрустом сочным
Отдели от стебля яркий день!

Семечками щелкаю — считаю
Выпавшее в жизни мне добро.
Шелуху на сторону кидаю,
Оставляю зерен серебро.

Для чего мне горести и ссоры,
Если жизнь цветет, как вешний сад?
Спросят: «Что сияешь, словно солнце?»
Я скажу: «Подсолнух виноват...»

перевод Т. Волжиной

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Моим дыханьем жарко ты дышала,
И я дышал дыханием твоим.
А жизнь и смерть, в бою сойдясь устало,
Решали — кто из них непобедим?

И вышло — жизнь! Родник ее, сверкая,
Бил перед нами. Веря и любя,
Ты обессмертила меня, родная,
Равно́ как обессмертил я тебя.

И после нас, как маленькое солнце,
Взойдет цветок и новый даст побег.
Любовь — источник жизни: кто напьется
Воды его, тот не умрет вовек.

перевод Я. Серпина

* * *

Всему, что в комнате твоей, — привет!
Привет столу, ковру, оконной раме,
Всему, к чему уже немало лет
Я прикасаюсь бережно руками.

И лишь на подоконнике твоем
Цветам бумажным, не влюбленным в лето,
Не пахнущим ни ветром, ни дождем,
Нет и не будет моего привета.

Прошу тебя, коль мы с тобой друзья,
От тех цветов, что видеть не под силу,
Пока я жив — спаси мои глаза,
Когда умру — спаси мою могилу.

перевод Я. Серпина

ЗЕРКАЛО

Ты в зеркальце настольное подчас
Глядишь разочарованно и косо,
И хмуришь брови, словно рассердясь,
И без толку сердито треплешь косы.

Но хоть на щеки пудра не легла
И не насурмлены еще ресницы,
Ты, как русалка, для меня мила, —
Врет зеркало, и незачем сердиться.

Ты на него обиды не таи,
А хочешь убедиться, хороша ли, —
Привстань и загляни в глаза мои:
Верней найдется зеркало едва ли.

перевод Я. Серпина

ТВОЙ ПОРТРЕТ

Все встает так ясно и подробно:
Ты задумчива, глаза грустны.
Вьется локон, падая, подобно
Гребню набегающей волны.

Брови — точно ласточкины крылья,
Что под синью, солнцем залитой,
Робко и встревоженно застыли
Рядом с гребнем той волны крутой.

Тонких губ чуть зримое движенье —
Что сулит их зов, неуловим?
Стать бы ветром мне хоть на мгновенье,
Чтоб обвиться локоном твоим...

перевод Я. Серпина

ОЛЕНИХА

Поддев рогами солнце, олениха
Застыла на рассветном берегу.
А вдруг уронит солнце?
В балке тихой
Стою, пошевелиться не могу.

Но вот она мотнула головою —
И солнце на спину скатилось ей;
Сошла к воде тропинкой луговою,
Глотнула алых трепетных лучей.

И прочь пошла сквозь дымчатые росы
Вдоль лозняка, по прозелени трав,
Черемухи серебряные косы
Ветвистым гребнем плавно расчесав.

О добрая красавица лесная,
Как оборвать мне выстрелом твой путь?
Броди по тропкам, устали не зная,
Живи — и песнею моею будь!

перевод Я. Серпина

РОДНЫЕ ГОЛОСА

Не живое ль огниво — березы кора?
И не порох ли — хвоя в огне?
Это яркое пламя ночного костра
Счастьем жизни пылает во мне.
Синий дым ест глаза мне, но я не моргну,
Пусть огонь мои брови палит.
Бросив звездную сеть, чудо-рыбу — луну
Мне июньская ночь подарит.
Вот свой лук натянул чуть заметный рассвет,
Тихо стрелы рогозов скрипят.
Эти стрелы ко мне из умчавшихся лет
Голосами родными летят...

перевод Д. Шамова

* * *

Все будет в жизни: зов пути крутого
И горечь незаслуженных обид,
И резкое, как зимний ветер, слово,
Что душу, словно реку, леденит.

Но пусть течет река моя навстречу
Твоей реке, все звонче становясь,
И радуга опустится к заречью,
Подобно песне связывая нас.

И пусть, ни лжи, ни холода не зная,
Горит она — завистникам назло.
Что б ни было — живи, как лань лесная,
В душе моей тревожно и светло!

перевод Я. Серпина

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

На краю деревни одиноко
Дом стоит, не нужный никому.
Не глядит никто из черных окон,
Не торопится никто к нему.

У его порога пес не ляжет,
Не задержится, охотясь, кот.
Космами соломы ветер машет,
Бедные остатки с крыши рвет.

А ведь печь и в нем топилась тоже,
Свет в окне зовущей был звездой...
Как моя душа сейчас с ним схожа,
Словно заколочена тобой!

перевод А. Решетова

* * *

Чтоб в час урочный встретиться в пути,
Всю жизнь к тебе я трудной шел дорогой.
Но ты была надменною и строгой —
Не разрешила близко подойти.

Потерянное трудно отыскать,
Но я не стану ссориться с тобою,
Хоть, может, я и был твоей судьбою, —
И суждено ли встретиться опять?

Любовь — как подвиг.
Верь без дальних слов:
Его умеет совершить не каждый.
Иной всечасно на него готов,
Другим он не под силу и однажды.

перевод Я. Серпина

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Вот и ягоды душистые поспели.
Не скажите, что легки, не спадут.
Годы — ливни, не весенние капели, —
Не скажите, что джигита не согнут.

Вот и листья налилися желтизною.
Не скажите: ветер жгучий не сорвет.
Наше время золотое, молодое —
Не скажите, что грозою не пройдет.

Вот и поле под снегами побелело.
Не скажите, что не саван это лег.
Если душу годы вынули из тела,
Не скажите: не застынет, словно лед.

Вот и вешние ручьи бегут, бушуют.
Не скажите, что цветам не расцветать.
В колыбели мальчик — будущие бури.
Не скажите: на коне не проскакать!

перевод Т. Волжиной

АМАНАТ

(ЗАВЕЩАНИЕ)

Когда народ умеет сохранить
Язык, дарованный его стране,
Врагу его свободы не отнять,
Как не поймать орлицу в вышине.

Хосе Рисаль

Жив твой язык, а значит, есть
Твоя страна — твоя свобода,
В ней — память, гордость, доблесть, честь
И сила твоего народа.
С землей и с небом ты — с двумя,
С огнем, с водою — с четырьмя!

Как опорами тебя,
Одарили четырьмя!
Богатство — в этих четырех,
Святость — в этих четырех,
Слава — в этих четырех,
Радость — в этих четырех.

Те четыре воедино
Каждый Родиной зовет.
С Родиной свяжет сына
Речь — в крови она живет,
Речь, что музыкой течет,
Речь, что волос рассечет.

С колыбели нас с тобой
С той речью выходила мать —
Годится твой язык родной
Журить — учить, любить — ласкать,
Годится твой язык родной
Тебе, чтоб человеком стать.

Знай, могуч любой язык,
Язык — владыка из владык —

Словами можно оживить,
Но словом можно и убить.
Язык родной свой уважай,
Слова бездумно не бросай.

Ключ к языку — он ключ к стране,
Речь над страною — бровь над глазом,
Бровей лишишься и, вполне,
Лишишься глаз обоих разом.
И станешь камнем — без очей,
И станешь камнем — без речей!

Храни, мой друг, родную речь,
Чтоб на земле себя сберечь!
Без родного языка
Ты — калека для страны,
Без родного языка —
Пень бездушный для страны!

Язык я с ивою сравню —
Нет деревьев без корней,
Под корень дерево срублю,
Капнет кровь с его ветвей,
На миг останется лишь тень,
Потом останется лишь пень.

Станет кочкою тот пень,
Что на кочке расцветет?
Над каким же здесь цветком
Ветер нежность соберет?
Все осокой зарастет,
Ветер мусор соберет —
Качнется в озере волна,
Станет мутною она.

Что под ивою растет?
Там прекраснейший цветок,
Чуден каждый лепесток!
Тихой звездочкой в тени
Ясным светом осенит.

Пусть сохранит вас и спасет,
На равных будет жить,
Твоей стране среди других
Тогда на равных быть!
С друзьями петь, как соловьи,
Делить обычаи свои,
И примут все твою страну,
Как друга, равного себе!

Пока живет родной язык
И от него ты не отвык,
Ты — не последний на миру,
Ты — не последний на пиру
И за дружеским столом
Ты песнь свою споешь,
Лишь уважая свой язык,
Ты равным проживешь!

Жив твой язык, а значит, есть
Твоя страна — твоя свобода,
В ней память, гордость, доблесть, честь
И сила твоего народа.
С землей и с небом ты — с двумя,
С огнем, с водою — с четырьмя!

А наше будущее — сад!
С ним несравнимы все сады.
Там будут разные цветы,
Там будут разные плоды,
И хватит всем цветам земли,
И хватит всем цветам воды!

Мы воевали за него,
Всеобщую пролили кровь,
И славу выменяв за кровь,
Переплелись корнями вновь...

Но каждый с речью со своей,
Защищенной им в бою,
Войдет в наш сад —
Про то пою!

Вот завещание мое —
Оно от прадедов идет.
Пусть сохранит вас и спасет,
Пусть сохранит вас и спасет,
Родную землю не гневи,
Язык наш древний береги.
Светлого тебе пути,
Светлого тебе пути!

перевод А. Гатауллиной

РОДНОМУ КРАЮ

Воистину прекрасны синь морская,
На кручах поднебесных вечный лед,
Но для меня тепла родного края
В их пышной красоте недостает.

И я на берегу, у волн бессонных,
У древних скал, отвесных, как стена,
Задумчиво стою, как жеребенок,
Отбившийся в пути от табуна.

Светлеют пальмы, знойная долина —
В цветущих кипарисах, но вдали
Мне видится уральская калина,
Меня зовут степные ковыли.

О как нужны мне нежность горицвета,
Душицы запах, голоса берез,
Раздольно колосящееся лето,
Ладони обжигающий мороз!

Чужие песни часто повторяю,
Любви к далеким землям не таю.
Но только моему родному краю
Я безвозвратно сердце отдаю.

перевод Я. Серпина

МОЙ ЩИТ

От века ночь и день между собой
Ведут непрекращающийся бой.
Ночь замахнется выгнутым клинком —
День заслонится солнечным щитом.

Так, сжав клинок, перед началом дня
Во мгле подстерегает смерть меня.
Но, солнечными песнями храним,
Смеюсь я над клинком ее кривым.

перевод Я. Серпина

ТОСКА

Хотя люблю я моря гулы,
Утесов древних гордый взлет,
Душа по родине взгрустнула,
Чего-то ей недостает...

Как жеребенок, в хмари синей
Стою, с тоски заржать готов.
Здесь веет белою пустыней
От этих вечных ледников...

Когда любуюсь пальмой плоской,
И кипарису, вроде, рад —
Передо мной шумят березки,
Калины зорями горят!

Здесь не по мне зима и лето,
Среди природы я один...
Здесь нет родного горицвета,
Простых душиц в коврах долин.

Я их напевам знаю цену...
Красот чужих душа полна.
Но трижды будь благословенна,
Моя родная сторона!

перевод И. Измайловского

* * *

Наверно, ты и есть мое прощанье
С мечтою молодых и светлых дней,
Последнее безмолвное свиданье
С моей любовью, с нежностью моей.

Не думал я, не ведал я, что мчится
Так быстро время, что придет черед —
И молодость моя вспорхнет, как птица,
И на прощанье крылышком махнет.

А что осталось?
Радость и усталость,
Наш общий путь, восходов алый дым,
И песня мне заветная осталась,
Украшенная именем твоим.

перевод Я. Серпина

* * *

Как нет ребенка, если сказки нет,
Так без любви нет песен для поэта.
Ты подари мне сказки зыбкий свет,
Чтоб песня до конца была допета.

Хоть сказка только сказка, но она
Живет во мне, поверить помогая
В любовь твою, как в чудо, дорогая.
И если сказке гибель суждена,
То ей на смену пусть придет другая.

Пусть будет даль — вперед на много дней —
Теплом их верным для меня согрета.
Как нет ребенка, если сказки нет,
Так без любви нет песен для поэта.

перевод Я. Серпина

СТРУНА

По очевидной для него причине
С укором говорит приятель мне:
— Как ни старайся, ты — не Паганини,
А все играешь на одной струне.

Все — про язык да край свой, будто мало
Тем на земле — ты оглядись кругом! —
Но старая струна не отзвучала,
А друг, похоже, сделался врагом.

Одна струна!
Но от души народной
Идет ко мне ее тугая нить.
Сто струн других, порвись она сегодня,
Ее бы не сумели заменить.

Ей равных нет — спасая от кручины,
Она сверкает, радуге под стать.
Я — не паук, что нить для паутины
В любом углу готов себе соткать.

Звучит струна, столетья окликая,
И думаешь: в былые времена
Для Пушкина, Шевченко и Тукая
Была священна эта же струна.

Одно над нами солнце, но предела
Нет свету, побеждающему тьму.
И песня соловья не надоела
Мелодией привычной никому.

Родимся мы на свет и умираем,
Заметь себе, не сто — всего лишь раз.
Простор, что мы зовем родимым краем,
Один у нас, язык один у нас.

Мне переборов сотни струн дороже
Одной струны неповторимый звук.
А остальные девяносто девять... Что же,
Оставь их при себе, мой строгий друг.

перевод Я. Серпина

* * *

Я временем, в какое мы живем,
Привык гордиться: боль его, и беды,
И свет, и пораженья, и победы —
Все в сердце умещается моем.

Бояться смерти — верьте, не умею
И не хочу.
Как кровную мечту,
Я утверждаю песнею моею
Бессмертье мира, жизни полноту.

Приветствую я будущие годы,
Мне дороги в тревожной смене дней
Все на земле живущие народы,
Все языки, звучащие на ней.

День изо дня, земные меря дали,
Вобрать в себя хотел я искони
Все голоса столетья, чтобы стали
Моим правдивым голосом они.

Я вглядывался жадно и упорно
В цветы и камни, в каждый стебелек,
Во всем, где мог, отыскивая зерна
Грядущих песен, животворных строк.

Когда мой путь, подобно звонкой нити,
Смерть перерубит — будьте так добры,
Прошу, друзья, меня похороните
У Каратау — у крутой горы.

Чтоб рядом бились волны Юрюзани,
Чтоб сосны выгибались на яру
И песнями в редеющем тумане
Меня будили птицы поутру.

И над могилою моей зеленой
Скупая надпись пусть гласит о том,
Что здесь покоится поэт, влюбленный
В просторы, что раскинулись кругом.

Неспящий ветер раскачает хвою,
И шишки, вызрев, упадут в траву,
И солнце заиграет над травою,
И я, согретый солнцем, оживу.

И песня к людям возвратится снова —
Как слава свету, красоте, добру,
Как продолженье неба голубого
И рыжих сосен, выросших в бору.

перевод Я. Серпина

БАЛЛАДА О САЛАВАТЕ

Скульптору С. Д. Тавасиеву

Коня лихого осадил он круто,
Прервав на миг стремительный полет,
И сквозь века бросает клич, как будто
Войска свои к бессмертию зовет.

Он озирает их с горы высокой —
Поэт и воин, доблестный джигит.
И молнией, таящейся до срока,
В ножнах клинок отточенный лежит.

Язык, что зло смеется над врагами,
Бессилен вырвать изо рта палач,
И мстительный огонь в глазах, как пламя
Сожженных сел,
И гневен и горяч.

И пусть цари запрут его в темнице,
Сошлют туда, где холод зол и лют, —
Клеймо на лбу навечно сохранится,
Но цепи Салавата не согнут.

Чтоб знаменем свободы на рассвете
Вставало солнце, разгоняя тьму,
Летит он в бой, летит через столетья
К земле своей, к народу своему.

Сто раз рассек он спину крутояру,
Сто рек осилил, смерти не боясь,
И вражеские рати, как отару,
Он на лету перерубил сто раз.
В чужой земле его осталось тело,
Костями белыми обняв ее,
Но имя грозно на устах гремело,
Сражалось за отечество свое.
Когда ворвался в пламени и дыме
Кахым-турэ* в Париж, неустрашим, —
Как ратный стяг, сверкало это имя
С летучих копий прадедам моим.
Когда вручал, готовый к битве правой,
Рабочий Петроград нам красный флаг,
Клинок батыра — дедовская слава —
Звенел на древних Пулковских холмах.
И ожил конь — любимец Салавата,
И над землей запел его курай,
Когда по долгу верного солдата
На бой с фашизмом встал мой вольный край.
Как Агидель не остановит воды
И никогда не обратит их вспять,
Так никому вовек у нас свободы
И песен Салавата не отнять.
Единство наше враг сломить не в силе —
Перед царями в самый трудный час
Мы головы покорно не склонили,
Кто голову склонить заставит нас?
Несет скакун сквозь годы Салавата —
За Пугачевым он летит вперед
И за собою, клятве верный свято,
Родной народ к бессмертию зовет.

перевод Я. Серпина

---

* *Кахым-турэ* — легендарный полководец, стоявший во главе башкирских полков при взятии Парижа русской армией в 1814 г.

УФИМСКИЙ ВОКЗАЛ

Равилю Бикбаеву

Что грусть воспоминаний воспаленных
Для тех, кто юн?
Им рано жить былым.
Порою капли наших слез соленых
Покажутся водою пресной им.

А я грущу, Уфа моя родная,
По старому вокзалу твоему,
Слезой соленой медленно стекая
По улицам разросшимся к нему.

Нет прежнего зеленого вокзала,
Что молодого Ленина видал.
Совсем другой, каких в стране немало,
Стоит теперь на площади вокзал.

Тот, старый, был как памятник былому,
К далеким зорям возвращавший нас.
Мы зря, видать, дома иные к слому
Приговорить торопимся подчас.

Да мне-то что?
Я не из тех, пожалуй,
О ком припомнят через много лет.
Но жаль, что на путях к тому вокзалу
И мой невозвратимо стерся след.

Я не забыл еще, как в горле комом
В голодный год стояла лебеда,
Как в сноп тяжелый, разлучая с домом,
Вязались тропки — туго, навсегда.

Я помню, как, разуты и раздеты,
Под стук колес, тащивших наш состав,
С вагонных крыш на ржавые рассветы
Глядели мы, замерзнув и устав.

Свои у нас, мальчишек, счеты были,
И спор вскипал, и нож в руках мелькал.
Но нам казалось — обрели мы крылья,
Когда уфимский встретил нас вокзал.

Проникнутый тревожной теплотою,
Не осуждал его безмолвный взгляд
Наложенной на нас лихой бедою
Мозаики из множества заплат...

Давно прошла пора страды военной,
Но если позовет когда-нибудь
И нас труба — правдивым, сердце, будь:
Хотело б ты, чтоб старый, незабвенный
Вокзал уфимский проводил нас в путь.

перевод Я. Серпина

* * *

Ахияру Хакимову

И огонь умеет плакать тоже!
Только слезы капают из глаз
Не на землю, сон ее тревожа,
А взлетают к небесам, искрясь.
И часами не отходит ветер
От костра — прислужнику под стать, —
Чтобы незаметно слезы эти
Рушниками ночи утирать.

И мужчина плачет непреклонный!
Только слезы — горькие подчас —
Не мелькают по ветру бессонно,
А на землю падают, светясь.
Так он плачет, чтоб тоской незримой
Не смутить ни дальних, ни родных,
Чтобы даже женщине любимой
Невзначай не выдать слез своих.

перевод Я. Серпина

РАССКАЗ СОЛДАТА

Конь мой рыжий с белою звездой,
Отчего поник ты головой?
Иль не стало в яслях ячменя?
Истомилось сердце у меня...

Из башкирской народной песни

Хоть на войне, давненько это было,
Однако, братцы, помню, как сейчас:
Однажды к ночи рыжая кобыла
Ожеребилась во поле у нас.
А в поле том и стужа, и ненастье,
И жеребенку бы пришел конец,
Да, знать, ему на счастье, в нашей части
Служил Шахбаз — потомственный кузнец.
Лошонка принял он, как повитуха,
Он шерстку гладил теплою рукой.
В орешнике,
где ветер бился глухо,
Сумел он хворост отыскать сухой.
Костер неторопливо разжигая,
Устало приговаривал Шахбаз:
— Не трусь, мой милый, непогодь лихая
Не одолеет ни тебя, ни нас.
Придет пора — травы наешься вволю,
Тогда мы подкуем тебя, малыш,
И ты стремглав по вешнему раздолью,
Перегоняя ветер, полетишь.
А впрочем, что ж я, — разве это дело:
Пока тебе согрел я правый бок,
На левом шерстка вся заиндевела, —
Давай зажжем еще костер, браток! —
И полукругом заструилось пламя,
И стало жеребенку веселей,
И жадными зачмокал он губами,
И потянулся к матери своей.
Весь рыжий он — лишь звездочка, как мелом,
На грудь нанесена.

Бойцы стоят
Вокруг него, а в полушубке белом
Под свист метели подошел комбат.
А на комбата глянули — сердит!
Снег отряхнул.
— Не время заниматься
Развитьем коневодства... —
Говорит.
Но на лошонка посмотрел — и будто
Оттаял наш комбат:
— Добро... Не грех
Коню помочь в тяжелую минуту,
Война, гнедой, она война для всех.
Меня не бойся — я тебя не трону.
Машина за продуктами сейчас
Уходит ко второму эшелону —
Эвакуируй жеребца, Шахбаз! —
Заулыбались мы, хотим поближе
Все разом к жеребенку подойти.
А он глядит на нас — смешной и рыжий,
Со звездочкою белой на груди.
Дно кузова устлали мы соломой,
Шахбаз шинелью жеребка накрыл
И затемно дорогою знакомой
Отвез его в деревню — ближний тыл.
А воротясь, поведал он солдатам:
— Пристроил я надежно сосунка.
Большой табун в колхозе — малыша там
В обиду не дадут наверняка.
Он крепко в душу мне запал, ей-богу,
Все вижу белую его звезду.
Где б ни был я, а в тот колхоз дорогу —
Настанет время — снова я найду.
Одержим долгожданную Победу —
И за работу я возьмусь свою,
И к жеребцу хоть на день, да приеду
И сам его на славу подкую... —
Мы знали, что Шахбаз не из болтливых,
На ветер не бросает слов Шахбаз,

Как зря не посылает стрел строптивых
Тот, у кого остер и верен глаз.
Но даже самое святое слово,
Ценимое в любые времена,
Порой неотвратимо и сурово
Умеет перечеркивать война.
И, может, не успел мгновенной боли
Почувствовать Шахбаз, когда в бою
Он, обагрив завьюженное поле,
За перевалом встретил смерть свою.
Лежит кузнец в долине закарпатской,
Не встать ему с зарею никогда.
Недвижно над могилою солдатской
Алеет пятикрылая звезда.
А жизнь идет.
Она — в дороге дальней,
Что испокон открыта перед ней,
В пыланье горна, в громе наковальни
И в топоте подкованных коней.

перевод Я. Серпина

ОТЦОВСКОЕ ЗОЛОТО

Вы мне дороже, чем зеница глаз,
Вы — рана вечная на сердце у меня.
Я точно не смогу прожить ни дня,
Когда вдруг у меня не станет вас.

И если я вам ласки не додам,
И если вас не доцелую я,
Зачем нужна мне голова моя?
Зачем вообще на свете жить тогда!?

Сиротству цену точно знаю сам.
И золоту: оно без близких — пшик.
И смерть — пустяк, ведь жизнь —
бесценный миг,
В который я макушки глажу вам.

перевод С. Чураевой

* * *

Такая ночь!
Такая благодать,
Что смерти не боюсь, а жажду я.
Да, смерти...
Но не на века,
А лишь на миг — в твоих объятьях.

перевод С. Сагитова

ЖЕЛАНИЕ

Человек пусть будет нужен людям каждый.
Пятым чтобы не был колесом.
Не жалеет пусть себя, не будет страждущ —
Жизнь он создает своим трудом.

Работает!
Поет!
Улыбается!
Поступью твердой идет.
Строит!
Творит!
И радуется,
Всему, что сам создает!

Человека чтобы горе обходило.
Жизнь пусть будет праздником большим.
Будущее вижу я счастливым —
Любит каждый где и где любим.

Мечтает!
Горит!
Возвышается!
Покой душевный найдет.
Грезит!
Хранит!
Окрыляется!
Во благо людей живет!

перевод С. Сагитова

ЯЗЫЧЕСТВО

От женских тел идет сиянье,
Волна ложится к их ногам.
От их недвижных изваяний
Все побережье словно храм.

Как древний грек в глуши былого
Не отвожу я глаз своих.
Должно быть, враг всего живого
Одежду выдумал для них.

Была бы вера словно ветер,
Я воротил бы годы те
И поклонялся бы на свете
Великой этой красоте.

перевод А. Хусаинова

* * *

Если мне суждено дожить до весны,
Лежать на траве, в небо глядеть,
Не считай меня умершим, видящим сны,
Еще не со мною красная смерть.

И если трава покрылась росой
От горьких слез моего ручья,
Не думай, что горе мое всерьез,
Не думай, что горя не вытерпел я.

Я просто не знаю, на что весна
Моей душе, истомленной тобой,
Если она мне была суждена
Такой же, ни в чем не понятной судьбой.

перевод А. Хусаинова

ФЕВРАЛЬ. БУРАН.

Не верь, не верь бурану-Февралю,
Пусть бесится без отдыха и сна.
В нем нет коварства, я же говорю, —
В его объятьях девушка-Весна.

Она придет, и будет, как всегда,
Земля полна весеннего огня,
И растворятся горе и беда,
Но это будет в мире без меня.

Но как тебя оставить, умереть?..
Но не снести мне жизни, не стерпеть...

перевод А. Хусаинова

ПИСЬМА

09.09.55 г.

Надя, дорогая!

Скорее вернись! Очень жду. Нет меня без тебя.

Вот сейчас уезжаю в командировку. Приеду я 15 сентября. К этому вернись и ты.

Когда провожал тебя, мне казалось, что ты уезжаешь не в Москву, а куда-то очень близко, как будто ты вернешься через час... А когда я вернулся домой, у меня в душе что-то творилось, и я быстро пошел на Белую. И долго сидел на горе в саду Салавата и все смотрел туда, куда ты исчезла... сидел и думал до захода солнца. И мне очень больно стало. Как я не хотел твоего отъезда!

Надя, трудно мне без тебя, хотя тебе со мной еще труднее?! Но я люблю тебя, Надя. Я сейчас очень хорошо чувствую это. <...>

Ночами сижу над «Жизнью Клима Самгина». Спать не хочется.

Сегодня ты звонила, а меня не было. Мне было так обидно!.. На командировку дали мне 215 р., половину посылаю тебе.

Надо чернила для авторучки и общие тетради для дневников с хорошими обложками.<...>

Большой привет маме, Гале и Тане, также Нине Акимовне, Рафаэлю* и всем.

Профсоюзную посылаю. Очень тороплюсь.

Целую, твой Рами.

---

* *Рафаэль Сафин* — поэт, драматург.

21.04.56 г.

С наступающим праздником!

Надя! Дорогая! Прости, что я так долго не писал. Не мог. Надо было сначала покончить с Самгиным — и вот вчера ночью я стал свободным от этого каторжного дела. Поздравь и целуй меня — все-таки я победил! Чего стоила мне эта победа — знаешь только ты одна... Сейчас надо думать об институте, о недоконченной студенческой жизни. Начал готовиться к экзаменам. Сегодня и в институт напишу письмо.

Большое тебе спасибо за хорошее письмо — я каждый день несколько раз перечитываю его и чувствую, что у меня есть где-то далеко близкая жена, хорошая, крепкая, и растет на руках ее мой маленький сын — Салават, который так хорошо спит и сосет, купается и опять спит!.. А когда мать пишет, что «он вырос» и «он будет высокий ростом», что он «потягивается, улыбается» — у меня душа растет и улыбается!..

И дни хорошие пошли сейчас. Тепло, солнечно. По утрам поют скворцы, поют жаворонки, и я сейчас каждый день слушаю их, когда занимаюсь физзарядкой.

Надя, и тебе надо делать физзарядку! Обязательно! — Я прошу! А «Преступление и наказание» Достоевского ты напрасно сейчас читаешь. Угнетающая книга! Я даже ненавижу такое смакование грязи, хотя это правда. Когда я был в таком же положении, как Раскольников, мне казалось, что это я чуть не сошел с ума, пришел к тебе ночевать, и ты спасла меня от этого страшного кошмара, не зная об этом сама. После этой ночи я начал любить тебя, дорожить этим светом. И сейчас я горжусь тобой, своим другом, самым близким человеком. Только одного я хочу от тебя — чтобы ты могла понять меня и на башкирском языке!!! Я этого не требую, но я хочу, чтобы это было твоей потребностью. Поэтому я очень боюсь навязывать тебе изучение моего родного языка, которым я живу, думаю, работаю...

* * *

Вот уже ночь... Я не мог дописать тебе днем — диктовал машинистке Горького. Половину напечатали, она устала, и я остался один. Вдруг заходит Сурия, а за нею Калима. Расспрашивают о тебе, о Салаватке. Пошли на Белую. Льда уже нет. Уфа чудесна! На лодках плавают люди. Долго сидели на горе — разговаривали, смеялись, а потом пошли в кино. «Мост Ватерлоо»! Это, наверное, моя самая любимая картина. Ты помнишь, Надя, тот день, когда мы первый раз смотрели эту картину? После этого я в первый раз подумал о женитьбе... Но об этом я тебе не сказал. Не сказал об этом до последнего дня. Вот сегодня я опять так же пережил «Мост Ватерлоо». Проводил девушек и пришел в редакцию. Сел и стал петь. Потом начал писать тебе... Я так хочу тебя обнимать, дорогая, так хочу целовать. Без конца!.. Что ты думаешь, когда читаешь эти строки? Чувствуешь ли то, что я чувствую?

За окном моросит дождь, первый, теплый, весенний... Люблю я эти капельки жизни. Ты чувствуешь, дорогая, какие они хорошие? Как мои лучшие слезы?..

Вчера я написал стихотворение:

НАДЕЖДЕ МОЕЙ

(ӨМӨТӨМӘ)

Һин күрмәҫһең, иркәм, бер ҡасан да
Ҡайғырғанда минең йәшемде.
Мин ҡайғымды тештәремә ҡыҫып,
Дауам иттерермен эшемде.

Бына шул мәлдә һин һүҙһеҙ генә
Аңлап ал да күҙҙән күңелемде,
Наҙлы ҡулың менән был ҡайғымды
Күкрәгеңә ҡыҫ һин үҙеңдең.

Башҡа миңә бер ни кәрәк түгел,
Ауыр сакта миңә шул етә.
Һәм, минеңсә, тик шул биҙәй һине,
Тик шул ғына ирҙе ир итә.

Не понятно? Да ты знаешь его содержание: Когда мне тяжело, ты прижми мою голову к своему сердцу! Эта мысль родилась год тому назад — помнишь? — когда ты так и делала. Этой весной зерно стало цветком, когда я в «Литературной газете» вычитал «Индийские впечатления» Ильи Эренбурга о поэте Рабиндранате Тагоре, когда дошел до любимейшего изречения его:

«Никакому идолу не поклоняйся,
Ничьей веры не оскорбляй».

Тебе нравится? Мне — очень! Какие они мудрые и нежные, индийцы. Наверное, эта мудрость у них от человеческой нежности. Жестокий не может быть мудрым. Это мое «изречение», кажется? Только нельзя путать жестокость с ненавистью. Потому что жестокость — бессилие, ненависть — сила, как и любовь. Это неверно — я бессильным не был еще ни в чем. Дух у меня сильный. Иначе ты мне не подарила бы Салаватку! Если он похож на отца, как ты утверждаешь, не очень плохим мужчиной будет. Только нельзя его баловать излишней любовью. А я боюсь этой любви, Надя. Потому что бабуся его очень любвеобильная! Если все это ему дается, потом никакие веники не помогут! Смеешься? Но это правда. Воспитывать человека надо только по Макаренко — т. е. делать коллективного человека. Ох, как труден вопрос этот!.. Прочла бы ты еще раз «Книгу для родителей», учитывая нашу семью, наши условия, наши дни!

А потом мы вместе будем читать эту книгу и перечитывать 1-й том Горького.

Вот мои «директивы» тебе, дорогая. 1-й том Горького нам надо найти.

Надя, я жду от тебя такого же большого письма, как мое. Пиши обо всем! Жду! Только не бери пример с меня — напиши сразу, как только получишь эту писанину.

Целую вас крепко, крепко. Будьте здоровы, бодры.

26.04.56 г.

Надя, веснушка моя, дорогая!

Вот отодвинул Горького — и улыбаюсь: почему-то вдруг вспомнил твое слово «организм»! Вот и смеюсь, смотря на луну сквозь занавеску. Луна такая круглая и без грани, окутана какой-то жиденькой зеленью. Очень интересно! Как будто и там пробиваются молодые нежные весенние травки. А позавчера она была бронзовой и рыхлой. Ждал, что будет: был холод, резкий, пронизывающий. Дул ветер и резал мою голову со лба к затылку, отчего она и болела, оказывается. Я ведь со дня твоего отъезда хожу без головного убора. Первый день был теплым, а на другой день я уже не мог снова надеть на голову зиму эту, проклятую. Много бегал под ее дудку!..

Сейчас в комнате очень тихо, только счетчик действует — не в пользу Халиль-агая!.. А часы не тикают. Потому что я их «пропил» на свадьбе Ихсана. Он дал телеграмму, было поздно искать подарок молодоженам. И я, мудрый старик, сунул в карман нашего «петуха неприятного»!.. Конечно, жалко было, но без подарка идти нельзя — один раз женятся!.. И я сейчас не замечаю времени. Без часов даже лучше: встаю рано, ложусь тогда, когда устаю читать. Живу я, как отшельник на книжном острове! Читаю и думаю, думаю и читаю. Вот так я изменил тебе, дорогая, — женился на книге!.. Но тяжела мне эта женитьба, хотя я очень люблю эту «жену». Все равно не хватает мне главного — тебя. Трудно мне, Надя, без твоих глаз. Очень трудно. Особенно до тех пор, пока не возьмусь за Горького. Горьковатая жизнь!..

Зачем я тебя отправил? Не знаю. Это так просто и так незаметно получилось. Мне даже сначала показалось, что ты с Салаваткой сбежала от меня. И я вас провожал очень легко, так бездумно — как будто в гости к соседям, а не в Москву! И я очень стеснялся, когда ты целовала чудаковатого папку Салавата... Все было легко, как тень! Вот и нет у меня моей тени, потому что нет света... Есть свет луны, но он не греет мою душу, а наоборот, подчеркивает это бессмысленное, ненужное одиночество. Смотрю я на нее, на это холодное светило влюбленных и думаю, что в этот час, в эту же

минуту, может быть, и ты смотришь на нее и думаешь об этом же... А может быть, и нет?.. Знай — больше этого не будет! Никуда я больше тебя «не пущу». Все надо делить вместе, все надо делать вместе, все надо видеть вместе, пока мы живы. А жизнь так коротка, так быстро проходит, и надо ее так хорошо прожить, чтобы потом не было больно за нее!.. Это не книжные слова (Островского), это мое ощущение, слова моего сердца. Когда я живу вдалеке от тебя и с думами о вас, мне эта наша пройденная вместе жизнь так дорога, что мне хочется кричать за свою глупость...

Горького дочитываю. Как мне приятно, что на книжной полке его увидела сначала Ты, Моя дорогая — глупая, как и я!.. Ну, хватит слов, целую тебя крепко и засну, обнимая тебя своими думами...

Конечно я, твой Дурак.

09.05.56 г.

Надя!

Вот и вечер Девятого мая! Какой хороший был он в прошлом году!.. Ты помнишь? Вот я сижу в редакции и все вспоминаю... А в душе такая глубокая тоска — как далека ты, моя радость! И как больно мне в эти дни. Сегодня я не мог спать, всю ночь ворочался, переворачивал всю свою жизнь, думал о будущей нашей жизни, о Салаватке. Я не представляю, неужели он уже 62-сантиметровый человек?.. Как быстро растет он — без меня, я хочу реветь, как лев, или быть таким же беспечным, как сын, и заснуть на твоих руках, моя мамо!.. Хочу слушать твой голос, хочу, чтобы ты пела «Мамо...» Больше мне ничего не надо.

Сегодня меня ошеломила одна «новость» — статью о Горьком всю испортили!.. Как тяжела мне эта редакторская рука, безжалостная, неумелая, бесчувственная! Главу о Шаляпине выкинули целиком, конец статьи весь изуродован, и мой «труд» похож на крикливого петуха, у которого выщипали все перья! Сравнения, как Прометей на скалах древнего

Урала, выброшены. Одним словом — я убит и дик. «Все это было бы так смешно, если бы не было так грустно...» Сколько любви, сколько труда вложил я в эту вещь — знаешь только ты одна... Но я молчал, не сказал ни слова, сжал зубы и ушел. Я не хотел, чтобы ты страдала со мною без денег, особенно теперь, когда есть наш Салаватка. Но мне слишком было обидно за людей, за братьев-писателей наших. Не люблю я их, мне очень хочется быть далеко от них, от их болтовни о литературе и сплетен. Но — куда? Я ведь так люблю литературу свою, и хочется мне так хорошо работать — оставить за собою что-то светлое!.. Человеческое! А один наш поэт, который хвалил мою книжку, сказал, что из меня не выйдет поэта, вообще литератора, потому что я слишком «ученый». А поэт должен быть чудаковатым, т. е., как я понял его, таким, как он — пьяницей, безграмотным и не должен учиться!.. При всей нелепости мне это было слишком больно. И если бы не было у меня Горького, такие слова очень расшатывали бы меня.

Вывод такой: я не должен сидеть за столом редакции, я должен быть там, где делают жизнь, где поют и смеются от души, где я чувствую себя хорошо. Я буду продолжать кочевье моих дедов. Иначе меня не будет. Люблю я ходить, видеть, чувствовать. Я верю в свои силы — я буду писать. Только тебе будет трудно, дорогая, жить и делить мою судьбу?..

Прочел все письма Горького и прошел целый университет! Как я бесконечно обязан этому человеку! Если б ты знала, Надя! Не было такого человека и не будет. Будут только люди, о которых он мечтал.

— Надо спешить, времени осталось мало!..

Так кончается его последнее 1195-е письмо. Надо спешить, Надя, во всем! Очень коротка жизнь человека. Тебе обязательно надо знать всего Горького, с самого начала до конца. Это для тебя самая лучшая школа, верь моим словам, дорогая моя.

Ну, ладно, целую тебя, Салаватку и бабусю его.

Вчера был первый гром, и я первый раз улыбнулся от души после твоего отъезда. Люблю я, когда гром гремит... Люби и ты! Целую с громом!

03.05.57 г.

Дорогой мой сын Салават!

Поздравляю тебя с васильковым маем с ромашками.
Расти, как они! —
Дождем умывайся
И ветром вытирайся.
Привет маме и бабушке. Пишите!
Целую. Атайың.

11.05.57 г.

Надя, дорогая!

Наконец-то я сел писать тебе!

Сижу и думаю: что ты сейчас делаешь? Наверное, спишь. Уже поздно — ночь. А Москва еще поет — передают отрывки из опер. Вот только что пел индийский гость из «Садко»... А вот бой часов кремлевской башни... Ох, как мне хочется быть около тебя, расцеловать каждую твою веснушку и так крепко обнять... Хочется смотреть на сон Салаватки и гладить его по волосам. Больше я ничего не хочу. Вот уже тихо, только часы тикают... И я так одинок, хорошо, что сегодня у меня есть папиросы... Иногда сижу и без них. Читаю и пишу, перевожу... только не Франко, а Лермонтова. Вчера перевел «Утес». Настроение такое. Дай-ка я его перепишу для тебя, и ты поймешь мои дни без тебя и Салаватки...

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Вот так — «и скучно, и грустно!..»

«И жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, — такая пустая и глупая штука!..»

Но я так не могу говорить. Потому что я не могу смотреть с таким «холодным вниманием вокруг...» Так много работы!.. Сегодня сдал «Молодые силы». Завтра возьмусь за рассказы Бианки. Надо писать и свои вещи. И дышать некогда! Каждый день собираюсь поговорить с тобой, Надя, но не успеваю, прости меня за все — и за прежнее, и за настоящее. Ты одна только можешь меня простить... Потому что только ты знаешь, чем я живу и дышу. Прошу только одного — не унывай, крепись, ни на кого не обращай внимания. Скоро я сдам свою книжку — и будет лучше! У меня, оказывается, очень много новых стихотворений, около пятидесяти! А вот последнее, самое лучшее и самое нужное — «Родной язык»:

ТУҒАН ТЕЛ

Мин халҡымдың сәскә күңеленән,
Бал ҡортондай, ынйы йыямын,
Йыямын да — йәнле ынйыларҙан
Хуш еҫле бер кәрәҙ ҡоямын.

Шуға ла мин беләм тел ҡәҙерен:
Бер телдән дә телем кәм түгел —
Көслө лә ул, бай ҙа, яғымлы ла,
Кәм күрер тик уны кәм күңел!..

Халҡым теле миңә — хаҡлыҡ теле, —
Унан башҡа минең илем юҡ:
Илен һөймәҫ кенә телен һөймәҫ,
Иле юҡтың ғына теле юҡ!

Әсәм теле миңә — сәсән теле, —
Унан башҡа минең халҡым юҡ:
Йөрәгендә халҡы булмағандың
Кеше булырға ла хаҡы юҡ!

Надя, если бы ты знала, как это мощно и гордо звучит на башкирском языке! Почти каждая строка — пословица, рожденная в моем сердце, — для сердца! Все мои стихи можно забыть, но это стихотворение нельзя забыть тому, кому дорог башкирский язык! Я не сказал, как Тургенев о русском языке, что мой язык тоже «великий», но сказал,

что этот язык не низкий, а кто считает его таковым, тот сам низок. Вообще, смысл дословно такой:

Я со цветка души (моего) народа,
Как пчелы, собираю жемчуга,
Сбираю я, и из живых жемчужин
Сотку весною пахнущие соты.
И цену языку я крепко знаю:
Средь всех иных не ниже мой язык —
И нежен он, богат и благозвучен,
Лишь для того он низок, кто низок сам (душой)!

И т. д.

* * *

12.05.57 г.

Надя!

Мне очень больно, что ты без денег. У меня их тоже нет. Вот целые дни сижу, чтобы скорее заключить договор. Скоро будет хорошо, а пока ты займи у кого-нибудь. Пошлю из зарплаты, потерпи немножко.

По радио еще не выступал и в газету ничего не дал. Но работа идет хорошо. Боюсь только, что не попаду в аспирантуру. Вот завтра пойду в Союз писателей, поговорю.

Фотографии от Асхата* получил — буду в каждом письме отправлять по одной фотографии.

Береги себя и Салаватку. Целую вас.

Жду письма.

15.05.57 г.

Надя, дорогая моя!

Какое большое спасибо тебе за жизнеописание Салаватки!.. Вот только что прочел твое письмо и сел писать. У меня вся душа вдруг наполнилась смехом нашего сына и какой-то тревожной печалью за твое положение. Как мне больно,

---

* *Асхат Ашрапов* — кинооператор, выпускник школы-интерната № 1.

что ты без моей помощи! Все это омрачает, портит, душит. Я стараюсь утешать тебя и себя тем, что все скоро наладится. Немного терпения, немного выдержки — и отдохнем мы от этих унизительных мук. Как только представлю себе, что Салаватке нет молока!.. — у меня дух захватывает... Я сам тоже сижу без ничего — вот уже пятнадцать дней «вдохновляю» себя крепким чаем... Слава индийцам и грузинам — за то, что они поддерживают бедного башкирского поэта!.. Как мне воспеть дружбу народов!? Ты смеешься, Надя? Я — тоже. Но это не смешно — это очень трогательно! Я как Христос-коммунист!.. Ладно, это учтет человек при коммунизме и скажет спасибо предкам своим.

А пока мы пишем... Книжка моя около ста страниц! Не ожидал я этого, придется сократить наполовину — а то разбогатеешь и позабудешь свои писанины! Все-таки мне дороги эти дни — никогда они не повторятся и не забудутся, как и прежние. Я твердо уверен, что бесполезным не буду — что-нибудь оставлю после себя.

Вот на улице идет первый весенний крупный дождь — и тепло, и светло. А все вокруг в зелени и в цвету! Хорошие будут плоды осени... Может быть, и у меня? Так хочется этого, дорогая моя Веснушка!

Надя! «Как ты чувствуешь себя без нас, наверное, очень свободным человеком», — пишешь ты. Что мне сказать на это? И да, и нет. Это будет правильнее. Потому что в своем одиночестве я никакой свободы не чувствую. Вообще, одиночество — это не свобода, а тюрьма: все так крепко сжато, напряжено, и чувство твое натянуто струной какой-то, и мысли сосредоточены, вот оттого и пишется. В этом есть какая-то красота одиночества. Но всегда быть таким невозможно. Это только на время. Не может человек жить только одним чувством. В этом-то, по-моему, вся тайна жизни его. Не надо ему вечной зимы и вечной весны. Если сказать очень просто, это будет правда: всему есть свое время. Ты это сама говорила.

Вот вся философия земного человека. А я не из небесных, как и ты. Ты согласна с этим? Конечно!

Когда ты далеко, я чувствую тебя сильнее и ярче. Такая у меня к тебе любовь сейчас, светлая, грустная, да вот еще

один эпитет — лунная, как та ночь, о которой вспоминала ты первого мая...

Вот и вечер. По радио передают музыку из «Горной сказки» — очень хорошо.

А я жую хлеб и продолжаю свое стихотворение в прозе.

Только что выписал тебя из столицы Башкирии! Паспорт, наверное, пошлю завтра. Сегодня нет денег.

Вчера сидел в саду Салавата и читал легенду об Урал-батыре. Сад весь покрыт сиренью, так хорошо и легко дышать, а небо такое голубое — «руки протяни и полети!». Над Белой стоит синяя дымка, и даль в ней исчезает. Чудесная весна в этом году! Ночи уфимские такие светлые и теплые, ни на какие белые ночи не променяешь! Очень жаль мне, что соловьев я слушаю без тебя.

26.05.57 г.

Надя, дорогая моя!

Вот и два года нашей свадьбе!.. Хочется мне крепко-крепко тебя обнять, поцеловать твои глаза и забыться...

Все-таки неплохо мы прожили эти два года. Как ты думаешь, дорогая? Скажи мне правду! Я думаю, что ты согласна со мной, хотя нам и нелегко было... Но иначе и быть не могло.

А что впереди? То же самое, наверное. Трудно будет, Надя. Ничего легкого я не могу обещать тебе. Но я люблю тебя, Надя, люблю, как жизнь, — со всеми трудностями, со всеми радостями и всем будущим ее.

Вот об этом мне хотелось тебе сказать вчера по телефону, когда ты звонила. Но были люди. А я не могу разговаривать при людях. Все было как-то неожиданно.

Я зашел в издательство сдать рассказы и сказки Бианки. Это третья книга, редактированная мной. Сейчас возьмусь за Крылова! Вчера я работал 18 часов беспрерывно, чтобы испытать свою силу — и выдержал! Очень хорошее у меня здоровье, главное — терпение. Сидеть бы мне с этим терпением над своим «Каменным цветком»! Сколько я сделал бы!.. Но я доволен, что читатели не будут обижаться на книгу, хотя и не подумают о редакторе! Такой уж

неблагодарный это труд — благородное редакторское дело! Но оно мне дает очень много: я работаю над языком, обогащаю себя другими и учу себя работать. Это очень важно и нужно! Когда-нибудь, когда я начну работать только над своими вещами, эти потерянные дни сторицею возвратят мне все отданное. Вот ведь я какой хитрый, Надя!.. Благодаря этой «хитрости» ты когда-нибудь станешь женой очень плодотворного писателя, а пока ты умей побороть в себе разные обиды жизни, мелочи ее, стань выше их и окружающего. Все это не настоящее, преходящее и мало радостное. Будь выше, дорогая, будь горда своей бедностью — это наше настоящее богатство! — верь мне!!! Уйди с Салаваткой в лес, когда тебе больно, спой всем листьям, вспомни меня и мое убеждение — и читай. Читай и стихи, и прозу — только больших русских — начиная с Пушкина, и до Горького.

Может быть, все это для тебя наивно, дорогая, но мудрее этого я ничего пока не скажу. Дело не в словах, а в их смысле. Чем глубже вникаешь в вещи, тем они бесконечнее, осмысленнее. Вот я ездил в деревню, пошел в березняк, где осталось мое очень короткое детство, сорвал последний горицвет — мой любимый цветок, вспомнил военное детство и все прошедшее, думал о тебе и Салаватке, поплакал немножко (для этого я и возвратился в родной березняк!..) и ушел с такой силой, хоть горы сворачивай! Приехал в Уфу и за один день сделал столько, сколько порой делаю за 10 дней. Это такое счастье, Надя, которое не всем дается. Пусть оно такое короткое, как жизнь вот этого первого весеннего цветка (я его посылаю тебе в память нашего майского дня), но это настоящее человеческое счастье.

Я и землю пахал, и порыбачил на Юрюзани, попил досыта парного молока нашей коровы — и уехал. Ночью от Аркаула до станции пошел пешком, чтобы одному слушать всю ночь соловьев и думать под луной (она тоже родная ведь!).

А сегодня у меня была солдатская ночь — победоносно отражал атаки комаров, слушали команды, сидели у костра и пели с соловьями вместе. Так много смеялся, что ничего смешного написать тебе уже не могу.

Крепко, крепко целую тебя — твой Рами. Привет маме, нашей березке и ребятам.

11.06.57 г.

Надя!

Прости, дорогая, что так долго молчал. Вот только что оторвался от своего «Каменного цветка».

У меня сейчас какое-то необычное настроение. Все ушли домой, а мне некуда и не к кому идти. Сижу один и думаю о Салаватке и о тебе...

Когда я читал твое предпоследнее письмо, мне было нестерпимо больно за тебя и за себя, я не мог ответить тебе, да и не нужно было. Я с какой-то яростью начал работать, сидел дни и ночи, нечего было есть и некогда было спать. Ну вот сегодня я сидел до трех часов ночи в редакции, все прочел снова, оставил сто стихотворений и сдал утром редактору на заключение (редактором будет Зуфар*). Он дал хорошее заключение и принял рукопись (на машинке). Остались теперь денежные дела, и все мучительно-приятное осталось позади. Оттого у меня такое настроение. Как-то все пусто, и телу легко, а голова окаменела и думать не может. Устал я думать. Хочется быть животным и спать... Голова какая-то тяжелая, не моя. Болит вместе с зубами. Как будто я целый месяц грыз камень! Вот так я изваял свой «Каменный цветок»!.. Вложил в него все: и злобу, и тоску, и ненависть, и любовь, и нервы, и кровь — все, что я имею в настоящее время, кроме голода и бессмысленного одиночества.

Жаль, что в такой момент ты, моя жена, друг мой, не нашла чуточку мужества не сказать мне обидные, несправедливые слова. Нисколько я не заслуживаю таких упреков.

Надя, дорогая, верь мне: я женился только потому, что я не мог не жениться — я любил тебя и люблю. И ты знала это! И дети — это плоды нашей любви. А ты видишь в этом что-то унизительное и считаешь, что принесла себя в жертву моей жизни. Я ненавижу такую библию! Это самая оскорбительная философия для человека. А я тоже человек! И мы соединили свои судьбы свободно, безо всякого расчета, без жертвенности и без насилия, зная все трудности заранее. Я об этом говорил с самого начала — для меня нет и не будет

---

* *Зуфар Абсалямов* — редактор «Башкнигоиздата».

легкого пути! Ты это знала и готова была на все, чтобы идти вместе. А сейчас вспоминаешь о годах (не забудь, что мне тоже 25 лет — на год только я старше тебя).

Эх, Надя, Надя!!! Как я не хочу, чтоб ты так думала о жизни! Как мне горько и обидно, когда ты судишь так.

Мне совсем не хотелось говорить тебе об этом. Но я не могу не говорить, хотя мы и немало об этом говорили. Почему-то все мои слова бесполезны. А ведь я так верил, что своей жизнью, своей работой, своими убеждениями буду очень нужным человеком для тебя, крепкой опорой в твоей жизни. Горько видеть теперь, что я ничего не значу для тебя (вот и душит мое горло). Какие-то сомнения тяжелые принесло мне твое письмо, а последнему я уже не верил.

Больше я не могу писать, нет слов (т. е. их очень много), а голова моя не работает.

Береги Салаватку, Надя! Слушай башкирскую музыку — 16 июня будут транслировать. Уфа вся праздничная — встречают 400-летие присоединения Башкирии к России. Будет большой Сабантуй. Привет всем.

Пиши, дорогая. Целую. Твой «угнетатель».

С 1 июня я живу, как монах в келье — приехала хозяйка, и я переселился в тот темный угол, где мы начинали жить.

27.06.57 г.

Наденька! Дорогая моя!

Прости меня за долгое молчание и за то последнее письмо — глупое и ненужное. Я очень хорошо чувствую, что все это от моего неумения жить, как все...

Вот только что я получил твое материнское письмо, прочел его, и стало как-то очень тревожно, и сел тебе писать (отбросив в сторону «Фому Гордеева»). Надя, дорогая, я очень прошу тебя не беспокоиться о квартире, о деньгах — рожай хорошенькую дочку, похожую на себя, или сына — Азамата, все равно кого, только бы здорового!

А квартиру, я думаю, мы получим. Я пока занят только книжкой. Знаю, что очень спешил, но другого выхода

нет, чтобы избавиться от долгов. После главного редактора я заходил к директору. Он сказал, что сборник надо обсудить в Союзе писателей, и можно обойтись и без главного редактора. Стихи ему понравились — он башкир и сам писал когда-то. Третьего июля состоится обсуждение — я верю, что это в нашу пользу. Сборник включил сто стихотворений: 15 из «Юрюзани»*, 20 переводных, 65 новых. Главный редактор против включения из «Юрюзани» и переводов. Он абсолютно не понимает, что значит для меня перевод, это для него не самостоятельное творчество и вообще не творчество! А я только сегодня ночью читал у Брюсова, что поэтов при переводе стихов увлекает чисто художественная задача: воссоздать на своем языке то, что их пленило на чужом, увлекает желание «чужое вмиг почувствовать своим», желание завладеть этим чужим сокровищем. Прекрасные стихи — как бы вызов поэтам других народов: показать, что и их язык способен вместить тот же творческий замысел.

Это и мое убеждение, и моя мечта. Я свои переводы ценю больше, чем свои стихи. Я не могу согласиться, чтобы их выкинули из сборника. Они — мои дети! Вот за них и дрался я. А редактор боится, что я разбогатею! Только я думаю о другом богатстве, которое не исчезнет и после меня. Мне даже было очень приятно, когда я высказал все, что о нем думал. Мне нечего терять — я голый пролетарий! И мне нечего бояться. Конечно, получилась задержка, но я выдержу, выдержала бы только ты, дорогая. Крепись, Надя, набирайся мужества. А своим лицом ты меня не пугай, Надя! Для меня нет краше такого родного лица. Твое лицо — это твои глаза, без которых я так одинок, и так мало мне жизни и света. Приеду в Москву, поцелую их, и ты увидишь, как я ими дорожил. Иначе я не смог бы написать столько, сколько написал за год.

Надя, у меня очень интересное чувство к тебе, похожее на чувство сына к матери, который любит ее очень скрытно, сдержанно, но так глубоко и по-детски доверчиво. Это,

---

* *«Юрюзань»* — сборник стихов — дипломная работа. 1954 г.

наверное, очень хорошо? Мне хочется об этом написать хорошее стихотворение. Но не знаю, как начать. Может, ты подскажешь? Нет, так не делают. Так хочется написать и о Салаватке! (Чтобы в этом сборнике были и вы.) Пиши о нем и о себе подробно.

А как мне описать свой образ жизни? Моя жизнь — это мои стихи, мои думы. Как можно их переписать? Прочтешь потом, когда переведу. А в письмах обо всем не напишешь, да и неинтересно. Главное, я жив и здоров, и много работы. Пиши сама. Очень крепко обнимаю вас и целую. Рами.

09.07.57 г.

Дорогая моя!

Я уже не прошу прощения — меня, конечно, нельзя прощать: не стоит!..

Да, Наденька, окаменел я и даже не чувствую права тебе писать. Словами разве можно выразить — каким ты стал за эти дни!.. Мне что-то страшно, Надя, страшно за твою святую веру в меня. Я знаю, что ты ждешь от меня хоть несколько слов о дочке. А я не могу их написать.

Трудно мне оттого, что тебе труднее, и я не могу тебе помочь!.. И вот я называюсь отцом, мужчиной и обманываю тебя, Салаватку...

Сборник все еще у меня на руках, и я сижу над ним, сижу дико, тупо, бездумно. Я уже думать не могу. Обсудили в Союзе мой «Каменный цветок», хвалили и учили меня — все было как-то не по-настоящему, беззаботно, поверхностно. И я впервые так глубоко понял последние стихотворные строки Пушкина, они совсем по-другому звучали в моих ушах: «хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца». И у меня в душе сейчас такая бездонная пустота, что можно замерзнуть и окоченеть!.. Вдобавок к этому состоялся разговор с секретарем обкома Сайрановым, который «руководит» нашей бедной башкирской литературой...

...Устал я от всего этого, и мне страшно быть одиноким и во всем быть человеком.

Вот почему мне трудно писать тебе, дорогая. Ты будь умнее меня, Надя, и скажи мне что-нибудь и об этом. Как мне беречь себя? Может быть, я делаю глупость, что об этом пишу, но я не могу не сказать тебе. И не думай, что в моем каменном сердце не растут для тебя чистые, чистые цветы... Горит у меня голова — я кончаю.

Целую вас. Ваш папа.

28.07.57 г.

Надя, дорогая! Дети мои! Как я хочу вам писать что-то светлое, хорошее, смешное, но никак не могу, а рассказывать о своей жизни, жизни глупой и дикой, мне не хочется. Я уже не умею тосковать по вам — до такой степени я зол и ненавистен к себе, к людям!.. Я уже не могу представить себе тот день, когда мы будем опять вместе — всей семьей. У меня сейчас такое чувство, будто у меня никого нет: ни жены, ни детей, ни жизни.

Вчера я кончил редактировать «Фому Гордеева» и чувствую, что он — я сам. Так же, как и он, я ищу несуществующую правду в людях, какого-то сильного, красивого, по-настоящему счастливого человека, но все еще не могу увидеть его. Чем больше я с ними сталкиваюсь, тем больше убеждаюсь в том, что они все искалечены, забиты, трусливы и живут по какому-то слепому закону существования. Я не знаю, выродятся люди в обезьян или встанут наконец-то на свое место? Чтобы узнать это, я бы отправился сейчас в большое путешествие на пять-шесть лет по людям до Сахалина. Но как это сделать? Этого сделать теперь невозможно. Не один я, и могут подумать, что я какой-то ненормальный. А это моя мечта — увидеть все своими глазами, побывать везде самому, потрогать все своими руками. Я думал об этом еще в институте, но решил окончить институт, но не успел окончить — женился, не женился бы — не смог бы я без тебя жить. А когда поженились, даже не можем быть вместе. Жизнь моя — какой-то «чертов круг». И связана она с какой-то большой жизнью, жизнью моего народа, с моими убеждениями о нем, с любовью к нему, я хочу что-то после себя оставить ему, хочу быть чем-то полезным ему, нужным. А вот

за это меня преследуют теперь, допрашивают в обкоме, и у меня родилось большое неверие к сидящим там... Теперь я сам видел, какие люди хотят нами распоряжаться... Надя, дорогая, обо все этом подробно не могу тебе писать (письма мои могут читать) и не должен пока говорить на эту тему. А это моя жизнь.

Торопился я помочь вам, выбился из сил, сидел, не поднимая головы, и так верил, что вам скоро будет хорошо материально, а вышло наоборот. ...Трудно жить честному, а приспосабливаться, не говорить то, о чем думаю, я не умею и не хочу. Без этого я не имею права писать! А меня читают и знают мои башкиры и ждут от меня чего-то, и я должен считаться с ними — раз я живу для них и пишу. Выйдет скоро мой «Родной язык», и я знаю, что каждый из них, любящий свой язык, порадуется моим строкам. Исмагилов хочет на эти слова написать музыку, но боится, что получится марш, а дух требует маршеобразного.

Ну вот я тебе и хвастаюсь!.. (Но перед кем же я должен хвастаться кроме тебя, раз я тоже человек?!)

Девять стихотворений дал в «Совет Башкортостаны». Рафаэль сказал, что «Юрюзань» выйдет в «Смене» (№ 13) в переводе Старшинова. На «Каменный цветок» заключил договор, но главный редактор ставит самую низкую ставку и не дает даже и эту сумму. Жду директора, он в отпуске. «Самгина» дал в русский альманах, боюсь, что сократят, потому что кроме этого ничего не умеют сами делать. Сейчас думаю взяться за Франко. Но все еще не решаюсь — хочется перевести хорошо. А для этого нужно время, а его ни у кого не займешь. Знала бы ты язык мой — помогла бы, а я только поправлял бы!.. Так и делают умные люди в наши времена! Например, Х. Мухтар перевел «Фому Гордеева», а жена перепечатала на машинке, а сама русская, и нет ни одной ошибки! Я просто удивился и позавидовал немножко, и понял свою ошибку, что зря я тебя отправил в Москву, надо было — в деревню. Ты бы уже научилась немножко говорить, а Салават — лепетать по-башкирски. А я имел бы возможность побывать у вас в гостях, и не получилась бы вся эта история с моей книжкой. Инәй обижается, что я вас отправил опять в Москву, а не к ней. Сейчас она остается совсем одна, без никого. Маршида поступает в пединститут,

готовится у меня к экзаменам. Урал собирается в сельхозинститут, если не попадет, изберет себе военную карьеру, а Равиль* в Павловке строит ГЭС. У инәй есть одно очень хорошее качество — она быстро забывает обиды и не держит в себе. Если бы ты захотела, тоже могла бы с нею сразу помириться. И вы жили бы не так уж плохо.

Я думаю так: после фестиваля я приеду за вами, и поедем сразу в деревню. Я немножко отдохну с вами и буду драться за квартиру. В Горсовет я дал заявление и буду ходить, пока не возьму квартиру. Зуфар уже добился, опыт его и мне пригодится.

Я поговорил с Мустаем Каримом, в этом году начинают строить специально для писателей дом — получили разрешение. Скоро этот вопрос будет решен в нашу пользу. Но не раньше, чем через два года. В этом году шести писателям дали новые квартиры. Одну — нашему завотделом. В его старую квартиру переходит Исянгулов**, а в квартиру Исянгулова стараюсь я. Говорят, маленькая, но если она будет для нас, то нам пока хватит. Вот я сейчас хожу за ней, как охотник за добычей. Что выйдет, не знаю, пойду опять к Мустаю.

Ну, ладно, хватит.

Писал в издательстве ночью, днем с Маратом*** ходили на Дему, купались. У него сын — Ирек!

Хуш бул! Целую тебя крепко. Пиши мне большое письмо.

Ваш Рами.

19.08.1958 г.

Надя, родная!

Прости, что не мог сразу написать тебе. Было такое скверное настроение, ни на что рука не шла. На все какое-то безразличие, равнодушное отношение. Недоволен собой, своей работой. Подготовка к экзаменам идет очень плохо — не могу организовать, сосредоточить себя. Реферат еще не

---

* *Инәй* — мать, *Маршида* — сестра, *Урал, Равиль* — братья.

** *Фарит Исянгулов* — прозаик.

*** *Марат Каримов* — поэт.

написан!.. Как-то нет надежды на аспирантуру. Все равно кажется, срежут на экзаменах (экзамены будут здесь). Все еще ищут «подходящую» кандидатуру. Все это создает у меня гнетущее настроение и очень мешает работать.

Все-таки надо попытаться — надо идти напролом!.. Что будет, то будет. (Ятып ҡалғансы, атып ҡал.)

Надя, пословиц у меня набралось около двух тысяч (1700 пословиц!). Думаю, что их наберется еще столько же. Ни у кого нет такого богатства, как у меня! Придет время — выпущу отдельную книгу башкирских пословиц. Так хочется много работать, всему окунуться в народную мудрость, написать о ней такую большую вещь! Это — мечта!..

А жизнь так сложилась, что я, как рыба в сетях, на берегу! Самое страшное то, что я теряю веру в человека, в себя, в друзей. Не знаю, может быть, все это только в настоящем? За это я презираю себя... Бессильный я, что ли, или очень устал от всего пережитого. И вот теперь страшная тишина — мысль не работает, ни с кем не разговариваю от души, нет смеха, нет тепла, нет заботы. Хочется ругаться, драться, смеяться, любить, шутить, плакать чистыми слезами... Все иссохло, все где-то без меня, не идет ничего. Поэтому не пишутся стихи — не могу и не имею права, не хочу лгать.

Жду свою книгу, как чужую. Корректуры все еще нет. Каждый день спрашиваю у Зуфара — нет и нет. С нетерпением жду чтения печатных букв, запаха свежих типографских знаков, как запаха свежих первых листьев... А листья уже начинают желтеть, рассыпаться. Вчера на койке лежал желтый лист яблони. Так больно было смотреть на этот символ увядания, прошедшей молодости, вчерашнего дня... А плоды? — горькие! Можно стать такой дикой яблоней, никому не нужной.

Взял этот лист и бросил в печку — как будто этим можно спастись! Смешно? Действия мои стали какими-то смешными. Тихо наблюдаю за собой. Очень часто думаю, что молодость прошла. Иду по улице один, смотрю на молодых, слушаю смех — все это для меня далекое, незнакомое, забытое. Падает быстрая звезда — и мне больно: это молодость так быстро сгорает... Купаюсь в Белой — так много девушек

и парней кругом, так хорошо плавают — красивые, стройные, загорелые, улыбающиеся. Смотрю на них, а на меня не смотрит никто — и чувствую себя разбитым дном когда-то хорошей лодки. Каждая деталь заставляет меня думать о прошлом.

Какие были хорошие дни, ночи когда-то. Ты помнишь, Надя? Переделкинские рассветы, когда я лежал на твоих коленях; буран, когда мы стояли под стогом и жевали одну соломинку до конца; лесной шум, когда мы сидели вместе на пне по дороге в Баковку, ночи под той березой, рождение Салавата, купание его... Все это далеко и неповторимо, безвозвратно. И невольно приходят слова Лонгфелло из картины «Мост Ватерлоо»: «Мысль о молодости — далекая-далекая мысль». Каждый день я смотрел бы эту картину! Слушал бы «Прощальный вальс»! Позавчера по радио слушал Поля Робсона, он в Москве, его так хорошо встретили — даже мне лучше стало. А сегодня смотрел первую серию «Ивана Грозного». Прекрасно играет Черкасов! Не играет, конечно, а царит всей душой, всем движением, всем голосом. Лицо не совсем репинское, но лучше, чем в Третьяковке! Скоро будет вторая серия, жду с нетерпением.

Только после этой картины я сел писать тебе письмо, иначе не мог бы. Даже странно то, что я пишу тебе письмо. Давным-давно я не писал писем. Сегодня я совершаю подвиг! Конечно, обо всем говорить нет времени и невозможно. Знай только одно: как бы я жестоко ни относился к тебе, как бы я ни был во многом несправедлив к тебе, все-таки в глубине души я люблю тебя, Надя, и умею ценить все твои достоинства как друга и человека. Конечно, об этом я тебе не говорю языком, но, по-моему, ты это видишь — особенно после разлуки. Не думай, что это только отношение мужа и жены. Женщин я могу найти, могу даже «изменить» тебе — жене, но душой я всегда был твой и есть. Не хочу говорить красивые слова, я этого и не умею, но чувство мое к тебе — это очень, очень родное и единственное, такое бывает только к матери-другу. Других сравнений я не знаю.

Вот так, моя вторая мама!..

Что будет впереди — жизнь покажет. Надо только жить! Для этого надо беречь что-то в себе, дорожить чем-то и уметь ценить самое главное друг у друга. Это самое главное у меня — любовь к своему языку, к своей земле, к своему народу и второе — это трудолюбие. Все остальное выходит из этого. Вот моя автохарактеристика! Может быть, неверная? Но я сам верю, потому что это познано мной, прочувствовано и испытано. А особого природного таланта или особенных каких-нибудь способностей у меня нет. Все я беру только трудом и стараюсь во всем этом не лгать. В этом мое и счастье, и несчастье. Несчастье потому, что не все люди таковы, а то, что я требую от себя, требую и от других. Многие от других требуют, а от самих себя не требуют. От этого получается противоречие мое с людьми — раз приходится жить среди людей.

Ладно, на этом философию отбросим.

Как Салаватка? Учит тебя языку? Учись ты и сама, Надя. Используй время на это, учи каждое слово. Оно не тяжелое, нисколько не будет обузой для тебя, а для меня это будет только радостью. Хочу я с тобой говорить полным ртом (ауыҙ тултырып) на башкирском языке, хочу слушать твое пение чисто по-башкирски и хочу гордиться тобою, дорогая. И взамен этого обещаю тебе: когда-нибудь выпущу маленькую книгу, посвященную тебе, из переводов с украинского — Тараса Шевченко! Хороший будет подарок к твоему сорокалетию! Сказано — будет сделано: әйткән һүҙ — аткан уҡ (сказанное слово — что выпущенная стрела). Очень хорошо ты пишешь о Салаватке, писала бы так каждый день! А о себе — ничего... Я соскучился!

В Уфе пошли дожди. А то я каждый день ходил купаться на Белую. Пол крашеный. Краски хватило только на одну половину. Блестит! Сделал так, как ты приказала. Мыл полы — хорошо моются. Но одна половина, как западная Германия! Не очень блестит. Все обставил так, как было в прежние времена, когда страной правила ты. Даже «койку» Салаватки оставил на заглядение. Теперь уже будет она ему мала. Как хочется увидеть его и тебя.

На «Печника»* заключил договор. В пятницу получаю 60%. А пока держу «Уразу» — великий пост, упражняю свой живот на густом чае и на дешевом помидоре. Картошка все еще дорога — ешьте там и за меня.

Как с сеном? Не привезли? Может быть, мне на два дня приехать? Это будет полезным поводом.

Равиль начал работать багермейстером. Живет в общежитии.

Как инәй, Мәршиҙә? Чем вы заняты? Что пишет пограничник Алма-Аты? Ты пиши ему и от меня — привет.

Где ты спишь, Надя? Над сараем? Тебя не утащат оттуда? Берегись! Пиши так же много, как я. Бери пример. Не скучай и живи политикой «мирного сосуществования». Всем, всем родным и соседям привет. Точка.

Крепко вас обнимаю и, конечно, целую. Ваш Атай.

11.03.61 г.,
Гагры.

Надя, дорогая!

Вот каждый день собираюсь тебе написать и не пишу. Хочется рассказать обо всем, но это невозможно! Необъятного не объемлешь... Как описать тебе море, когда даже сам Чехов ограничился только одним определением, что «море большое» — и все!..

Вот раскинулось оно от моего окна до турецких берегов, и виден мне лишь кусочек этого ослепительного серебра, и глаза устают — нет конца и края ему!.. И вечно в движении оно, вечно пена на берегу, и вечно бормочет свои стихи, обтачивая бесчисленные камни, как поэт свои слова... Вот, кажется, я нашел сравнение, но «всякое сравнение хромает», т. к. поэтов все-таки убивают, а море остается и трудится, чтобы прокормить рыб, чаек, людей, чтобы о нем сложили стихи, песни, чтобы по берегам его ходили влюбленные (хотя бы «курортного сезона»), а те, которые еще не успели влюбиться, писали письма...

---

* Перевод стихотворения А. Твардовского «Ленин и печник».

Вот я и пишу о нем, значит, и о себе. <...> Оно, Черное море, самое красивое и приветливое из морей. А геологи говорят, что оно и самое молодое. Оно родилось совсем недавно — около 60 миллионов лет назад! И оно, оказывается, дитя океанихи Тетис. (Гречанка, наверное.) Когда-то эта тетя Тетис была беременной Черным, Каспийским и Средиземным морями и ходила пешком своими ногами-волнами почти что до нашего Урала, но после родов она умерла и оставила эти моря. И чтобы не скучно было им на свете жить, эта же тетя Тетис родила вместе с ними и веселый разноязычный Кавказ со снежной шапкой, и нежный Крым в вечно-зеленом одеянии. Так как Крым был слишком нежным, он далеко забегал в объятия моря. Много тайного было в отношениях этих морей. То соединялось Черное море с Каспийским, то прекращалась связь Черного моря со Средиземным. И много городов погибло из-за них. И сейчас неспокойно на берегах. Так говорят геологи о землетрясениях: «На дне сухумской бухты (это от Гагров недалеко) на глубине 10 метров найдены развалины древней греческой колонии Диоскурии (VI—V в.в. до н.э.). Значит, за два тысячелетия берега моря опустились более, чем на 10 метров». Вообще, здесь много развалин древних городов Греции, остатки грузинских крепостей, монастырей. Вчера вот ездили на экскурсию, и я сам видел эти развалины. Были в одном совхозе: такие дома у рабочих, такие дворцы, какие нашим и не снились. Богатые цитрусовые совхозы и колхозы здесь. Так много разных плодовых деревьев — даже названия не запомнишь! Зелень, зелень и зелень. Одним словом, я попал в рай! Но как-то скучно в раю! Куда лучше наш край — естественнее, проще, задушевнее. Я соскучился по Башкирии, по своим невысоким горам, по березам, по тебе, Надя, по детям, по коню. Как приеду домой, обойду все деревни верхом. Как правильно сказал Горький, что красота не в пустыне, а в душе араба!.. Красиво то, что с детства связано с душой твоей — это родина, это (вот... и слезы у меня) язык родной...

Каждый день говори, Надя, с Салаваткой на башкирском, прошу очень, чтобы ему небезразличен был язык мой! Самые ласковые слова говори на башкирском, а ругать можешь и по-русски!.. Тренируйся и сама. Приеду домой — привезу

кучу стихов и читать буду на башкирском, конечно. Работаю хорошо, и Есенина переводить начал. Кормят разнообразно и превосходно. Вот иногда только не спится — тебя нет. Как у тебя с деньгами? Как малыш, инәй? Пиши.

Ну, целую, дорогая. Твой Рами.

02.04.62 г.

Надя, родная!

Целую тебя крепко-крепко, прошу тебя только об одном — не отчаивайся! Все это временное, все это пройдет! Никто ведь нас не заставлял делать то, что мы делали? Делали потому, что так надо было, чтобы быть людьми и беречь все то, чем мы дорожим, чем мы дышим; чтобы не приспосабливаться к разным людишкам и не уронить свое человеческое достоинство ни перед кем — всегда и везде!

Это ведь самое главное?

Это не высокие слова; об этом, о том, что случилось в редакции, я думал долго и еще раз убедился, что правильно сделал.

Почему-то я считаю себя очень счастливым человеком, хотя это счастье нелегко мне достается... А в легкое счастье не верю я — оно только пустое слово.

И почему ты должна считать себя несчастной, никчемной, когда ты вот уже семь лет! (скоро ведь исполнится!?) разделяешь мою трудную судьбу и так много мне помогаешь своим терпением, умным своим сердцем? Может быть, я не всегда умел дорожить всем этим, но ведь все-таки в глубине души я очень люблю тебя, Надя. (Поют по радио мою песню — «Меня мое сердце в тревожную даль зовет!..» Вот снова повторяют, почему-то этой песней мне хочется выразить мое отношение, все чувство к тебе.) Вся жизнь моя — стремление в эту «тревожную даль», и ты со мной, хотя ты где-то вдалеке... Пока я еще боюсь соскучиться по тебе — работаю очень хорошо, в душе какая-то ясность, чистота, свет и тепло ко всему, родство какое-то с миром, и я так боюсь, что это настроение скоро покинет меня, хочется

скорее, скорее уловить основную волну каждого стихотворения, начинаю и оставляю «на потом», чтобы дорабатывать после; хоть этого настроения не будет, но все равно написанное уже на бумаге потом вызовет все это. Такие стихи у меня хорошо получаются — так писал я «Родной язык», «Төшкөгә ҡайтҡанда», «Песни жаворонка» и Кавказские стихи... Ничего, Надя, я очень богат, оказывается. Когда-нибудь «и на нашей улице будет праздник»! После той «статьи» Рамазанова* я открыл для себя очень важное и, может быть, самое главное: я пишу нужные вещи, и я очень нужный человек для нашей литературы, и все это не временно... Значит, я имею свое слово! Хотя бы тебе я должен похвастаться этим... Все это ощущал я в Уфе. Ждут меня молодые новые друзья.

Заявление на квартиру дал. Поговорил с Мустай-ағаем, читал ему стихи — потеплел. Все-таки он поэт большой!..

Я сказал ему, что тронусь в Уфу со льдом, он ответил, что это рановато — ничего не успеем сделать. Но просил, чтобы я написал заявление, я и написал — на это уже способность имею! Я думаю, что вся эта квартирная история до осени дотянется все-таки.

Как быть тебе? С пропиской-то? Конечно, слезам Москва не верит. Ты попробуй поговорить в Союзе писателей с секретарем Игорем Сеньковым, расскажи толком — без преувеличения. Он мой однокурсник, может быть, чем-нибудь поможет.

О том, что говорили тебе о разводе, можно прямо фельетон написать! Можно было бы пойти и на это в крайнем случае, если бы мы были богатыми! Сыграли бы потом настоящую свадьбу, а?

Ладно, приедешь домой, может быть, поедем в Месягутово до осени работать в межрайонной газете?

До мая ликвидируют все районные газеты, начнет выходить межрайонная газета с большим форматом, как «Совет Башҡортостаны» при с/х управлении.

Сейчас в редакции сидят, ожидая конца, не знают, куда пойти работать. Просто жалко их. Хорошо, что я заранее ушел, мне, конечно, можно и там работать. Но надо покончить со сборником, надо и подстрочники делать, может быть,

---

* *Гилемдар Рамазанов* — поэт.

возьмусь и за «Дневники комсомольского секретаря». Дел много! Я просто наслаждаюсь одиночеством. Но тебе-то от этого ничуть не легче. Мне больно, что все еще не могу послать тебе денег. Писал Равилю, чтобы он немножко послал.

В «Ленинсе» печатали «Возвращение к песням», но гонорара еще нет. Будет, сразу пошлю.

07.05.62 г.

Надя, родная!

Прости, что долго молчал, написанные письма я тебе не посылал, а пишу я их каждый день — в мыслях, но что толку от слов, если вы голодные сидите! Мне больно за то, что я не могу детям ничего толком послать... Много я кормил вас обещаниями. Ох, как много! Я, наверное, ненормальный человек... Печататься мне стало проблемой. Записи по радио еще не передавали. «Башкортостан» все еще держит мои вещи в столе.

Был в Уфе перед маем. Читал корректуру стихов в журнале (№ 5), скоро выйдут. Но это еще не спасет нас. Скорее надо сдать книжку. (Как я этого не хочу!.. Но ты не можешь мне помочь, родная. Будь эти деньги тысячу раз прокляты!) Наверное, я никогда не смогу спокойно писать, не думая ни о чем. Трудно быть поэтом!..

После твоего письма опять поговорил с Мустай-ағаем насчет квартиры. Будет только одна комната — но сие от меня не зависит. Спасибо и за комнату, если ты хочешь жить в Уфе и не можешь уже быть в Москве. В июне Равиль наверняка получит квартиру, придется пока пожить у него до осени. Я в июне пойду работать, может быть, в журнал, может быть, в «Ленинсе», может быть, и на завод — хоть куда! А до этого я пробуду здесь. Дом наш будут ломать, каждый день приходят, но соседка наша не соглашается, пока не дадут ей хорошую квартиру. Спасибо за упорство ее! Мне на пользу.

Май провел в Аркауле.

В Уфу пригласили меня на вечер поэзии студенты в университет. Хотели освистать моего критика, но я попросил не делать эту глупость. Вечер прошел хорошо, были все тузы,

только Рамазанов не пришел. Меня и Атнабая* просили выступить дважды. Много было записок — читать «Родной язык», но я читал новые — хорошо.

Урал-кейәү** провел пышно свое тридцатилетие, я на последние гроши купил подарок и вот пью чай, и колдую над стихами, и доволен этим белым светом, весной. Целую Вас.

Надя! Если сможешь, продержись до июня, продержись. Пиши больше об Азамате. Ружье Салавата висит на стене и стреляет каждый раз в душу отца. Крови нет, только слезы иногда...

Целую вас крепко. Атай.

Надя, родная моя!

Получил твое большое письмо, огромное спасибо за рассказ о мальчиках моих, очень рад я и за отзыв твой о стихах, хотя я совершенно недоволен переводами. Черт побери это вавилонское смешение языков!.. Но раз есть мой язык родной, такой же прекрасный, такой же певучий, такой же первородно богатый оттенками, красками, и раз я его люблю до одурения, и раз я знаю, что в будущем времени его не будет (от этого сознания у меня любовь к нему еще сильнее), мне бесконечно жаль, что они на другом счастливом языке не звучат так, как я их пишу на своем бесконечно родном, «на смерть обреченном» языке... (я рыдаю, когда эти строки пишу). О, если бы история могла меня уверить, что жив будет и мой язык в веках, и через сотни лет будут звучать над Уралом башкирские песни, я сегодня бы, сейчас же пошел на виселицу, чтобы своей счастливейшей смертью дать долгую-долгую жизнь языку моего народа, языку, который четыреста лет отрезали русские цари Романовы! Перед майским праздником правительственный лозунг был написан на русском и татарском языках, я позвонил нашему Равилю: что вы делаете, завтра весь народ будет

---

* *Ангам Атнабаев* — поэт, драматург.

** *Муж сестры.*

смотреть на это издевательство!.. Вечером же сняли этот лозунг. Это не пустяки... забыть язык целого народа... даже для лозунга!..

Верь мне, Надя, что это не высокие слова, чрезмерно преувеличенные. Нет, нет, нет, это мой стон, крик сердца, святая клятва моя перед своей совестью, перед духом моего народа, поэта — перед временем, перед матерью своей — инәй!..

Я еду к ней только слушать ее речь, и так мне хорошо, таким я чистым становлюсь, душу свою я отмываю от всей этой грязи жизни, людей. Я задумал опять новое стихотворение о языке — «Вешние воды», когда инәй жила здесь и она, маленькая уже, добрейшая, когда я с нею один, приносила каждое утро свежую воду для сына одинокого и каждый раз наполняла мне сердце моей древней родиной, непередаваемой словами нежностью и любовью...

Я чем больше живу, тем сильнее ощущаю, что это такое — материнская любовь, создающая только красоту и добрый свет на земле...

Посадила она этой весной в день своего пятидесятилетия (может быть, и не к этому дню, но мне кажется именно так) яблоню около моих рябин и березки и говорит:

— Үлһәм, улым, ҡарап ҡуярһың, инәйем ултыртҡан алмағас, — ти... (Как помру, сынок, посмотришь на яблоню, посаженную мамой.) — А сама смеется.

А у меня комок твердый в горле...

Я очень устал, дорогая!.. Сижу, колдую над словами, пишу трудно, раздражают и строители. Дом наш начинают ломать, что-то ломается и в душе с этим домом, везде валяются кирпичи, как кровавые куски, и камни перед домом. Я просил не валить перед окном камни, но разве им понять, что значит для меня единственный свет солнечный и зеленая трава жизни, с которыми я шепчусь, когда мне больно...

Я уйду в лес, на Каратау, где когда-то я еще студентом всю ночь, как язычник, жег костер, буду ловить рыбу, слушать птиц и доканчивать книжку — потом в Уфу!..

Вчера я занимался стиркой, стирал и плащ, и брюки. Брюки у меня рваные, заштопал их сегодня, утюжил — все-таки не твои руки, мамо. Мне стыдно уже ходить днем на улице.

Вся надежда на книжку.

Из журнала все еще перевода нет. У тебя нет денег — это больше всего мучает меня. Продать, что ли, машинку? Будем потом покупать, а? Ведь тебе надо для детей! Стихотворение «Кавказ» в цикл не ввели. Говорят, воспеваешь феодализм — что море-жена Кавказу ноги моет. Какие феодалы еще наши литераторы сами!.. Как трудно понимают самый образ — образ любви!.. А ведь когда любишь, это счастье — мыть друг друга, да еще когда не виделись так долго.. Помнишь, Надя, как семь лет тому назад я, студент литинститута, весь счастливый от тебя, старался мыть тебе ноги?.. Да, это было большое счастье... Но где он, этот студент? Есть ли он? Может быть, и не было его, поцеловавшего первый раз девушку с веснушками, сбегавшего под гору и обнимавшего от счастья русскую березу подмосковья?.. Может быть, не нужен он ни тебе и никому и живет-пишет никому не нужные стихи просто потому, что юродивый какой-то:

Диуана мин, диуана,
Донъя менән йыуанам,
Донъя минең — үҙ өйөм,
Донъя моңо — үҙ көйөм...

Үҙем нисек теләйем,
Ерҙә шулай йәшәйем.
Бер кемгә юк зыяным, —
Мин — тик умырзаямын...

Һәр терегә һөйөнәм,
Тик үлемгә көйөнәм.
Ә хәҙергә ҡыуанам,
Диуана мин, диуана!..

Вот перевод — «Юродивый бродяга»:

Бродяга я, сумасшедший,
По миру я миром шедший.
Мир мой этот — собственный дом,
Мира звуки тоже притом...

Как захочу я наяву,
На земле я так живу.
Никому от певца вреда нет,
Я только добрый горицвет...

Рад я живому каждому,
Лишь жаль — умрем однажды мы.
А пока блаженно шедший
Бродяга я, сумасшедший...

Скакал позавчера на коне без узды, без седла, проскакал ночью под дождем до Ахунова и обратно. Нестерпимо захотелось быть на коне и скакать. Соскучился так по своему коню!.. Но этот конь гулял по полю путаный, поймал я его и улетел, если бы кто-нибудь увидел — дали бы за хулиганство 15 суток. Но знали только соловьи, они не заявили в милицию — на обратном пути я, успокоенный, тихо пел им эту песню блаженного...

Было несказуемо хорошо!

Песня сама сочинялась, я лишь обработал. Мне самому нравится — только не будут печатать. Но зато дети будут знать, какой был их отец.

Обнимай, Надя, детей, целуй их за меня. А тебя поздравляю с нашей семилеткой! Много и мало... Ну, целую и тебя, мамо! Привет маме.

Ваш атай.

03.09.1964 г.

Надям минең! Сәләм!

Бына мин Дубултыла өс көн йәшәнем дә инде. Һағындым да инде һеҙҙе!..

Латвия встретила очень хмуро. Дожди тут и ветер с моря — такой холодный, пронизывающий. Я сразу пожалел, что приехал сюда, сразу начал скучать по Башкирии. Все-таки я не согласился бы жить ни в каком раю никогда — кроме Башкирии. Ее до боли понимаешь только на чужбине.

И никакая свобода, никакая независимость не заменит ее. Как хорошо, что она пока есть, какое счастье иметь родину, хотя на ней тебе иногда — из-за нее — не очень легко... Зато с этой болью ты больше человек.

Вот тебе — сразу о патриотизме речь.

Теперь о еде (патриоту тоже надо кушать!). Кормят здесь очень хорошо, даже боюсь, что ты меня не узнаешь. Я ем все, что дают на стол. Я даже не знаю наименования некоторых блюд, но ем, не спрашивая. И готовят так вкусно и красиво, лучше, чем в Гаграх.

Сегодня был солнечный день, и чем-то напоминало Гагры. Я целый день загорал, как все, урывал каждый лучик солнца. Но песок здесь холодный, потому что белый-белый, даже не похож на песок. Как будто валяешься на муке первого сорта. Возьми да пеки оладьи!

Море холодноватое, но мне купаться можно целый день, если солнце есть. Спортсмены купаются даже в пасмурный день.

Море здесь не ревет, как Черное, а гудит и ворчит. Гудит так, будто сразу тысяча мельниц работают-мелят вместе. И у меня сразу появилось сравнение — наверно, очень оригинальное — что море — бесконечное множество мельниц. Оттуда и пошло первое стихотворение. «Море — мельник старый», мелет песок.

Как Салават начал свою учебу? И что говорит господин Азамат обо мне — не посадил в самолет? Ну, пока. Пишите все, обнимаю всех, целую.

Атай.

14.09.64 г.

Надя, дорогая моя!

Сразу получил два письма от тебя, вчера — первое, сегодня — второе. Да еще перевод! Рәхмәт! Сегодня праздник у меня, но нечем отмечать — еще не успел сходить на почту. Она находится на следующей станции. Вот после ужина ходил на берег моря, пел башкирские песни (знаешь,

все-таки для себя я пою неплохо) и вот сел за стол — разговаривать с тобой.

Сначала — о море. Сегодня оно спокойное, но холодное, свинцовое и слегка ворчливое. А вчера оно было ласковое, как будто в самом себе купалось — и так осторожно, так нежно. Мне казалось, что только ребенок, еще не родившийся, может купаться так под сердцем, когда мать спит глубоким-чутким сном... Я стоял и улыбался своему сравнению, вспомнил твой живот с Азаматом. Так хотелось лечь рядом и послушать рукой...

А позавчера оно всю ночь гудело, точно так, как мельница, как тысяча мельниц! Это действительно так — я с детства хорошо помню гул мельницы. И я молол свои строки всю ночь — гудел, бубнил, не спал. Потому что утром не надо идти на работу — своему дню я сам хозяин. Жить бы так всегда — по своей воле и писать, когда тебе хочется. Но это — только мечта! В будущем, может быть, когда-нибудь поэты будут работать вот так, если не повесятся от избытка времени. А нам — нет худа без добра. Может быть, они будут завидовать нам, рабам времени, нужды и суеты... Может быть, и море для них будет просто соленой водой с песком на дне. А мы еще верим в русалку, в тайну моря, в свои мечты!.. И какими-то большими становимся у моря. Вот пошли стихи в прозе...

Теперь о тебе — все-таки тут есть время думать и о тебе, и о нашем прошлом...

Все-таки, ты у меня хорошая!

Я благодарен судьбе за то, что она дала мне тебя — с умным сердцем. Если не брать во внимание твои бездумные, неосторожные вспышки, то в основном ты моя до седин, пожалуй, на всю жизнь. Не представляю я себя без веры в тебя, хотя сам я всегда был грешен и, может быть, даже и не стою этой веры. Но я не распутный, хотя и не аскет, может быть, это от стихов и для стихов и от слишком большого любопытства к женщине вообще. Она делает нас и животным, и человеком, и в глупостях своих даже становишься мудрее, человечнее. Она создательница человека-мужчины и поэтому всегда видит в другой свою соперницу. Отсюда — ревность. Но если

она больше верит в свою душевную силу, в свое богатство, в свою женственность, то меньше ревности. А главная ее сила — в материнстве.

Ты больше, чем мать для меня, родная, хорошая моя. Я это чувствовал еще в самолете, когда ты стояла с детьми в круге окна и махала мне рукой...

Целую, родная, твою руку, ложусь спать, спите и вы, мои дорогие! Обнимаю.

Ваш атай.

18.09.64 г.
Дубулты.

Надя, дорогая!

Получил вчера твое письмо — как хотелось подержать в руках свою книжку!.. — если б ты знала! Наверное, к моему приезду поступит в продажу? Я очень рад, хотя она не такая, какую бы я хотел видеть. Ну... с богом!

Может быть, я огорчил тебя своим последним письмом — своей философией? Не обращай внимания. Я просто подстраховал себя, и только.

Конечно, я познакомился здесь с одной женщиной. Очень интересная, всегда хочется слушать ее и слушать — так много она знает! Жаль, что дни мои кончаются, и я не успею узнать о ней все. Ты ее немножко знаешь. Зовут ее Надеждой Александровной Павлович. Влюбиться в нее можно — ей, наверное, еще только 75 или 80 лет!.. Помнишь, я зимой читал книгу — поэму о Блоке? Она и есть автор этой книги, ученица и любимая Блока. Вот теперь я ей помогаю спуститься по лестнице на берег моря. Потому что она очень плохо видит и ждет у лестницы, пока кто-нибудь не придет и не возьмет за руки. И странно думать, что когда-то великий поэт мира Блок держал эти руки и целовал их... Сколько лет прошло, сколько воды утекло с тех пор, а все еще она жива!.. Сидит она у моря и смотрит на волны — вспоминает о прошлом. Каждый день этой вечности, каждый год ее жизни проходит, наверное, перед ней, как эти волны. Был бы я художником, нарисовал бы ее так, сидящей у моря! О Блоке она говорит, как о живом, как будто вчера только рассталась

с ним. Потому что Блок жив и неповторим в своих стихах. И мне кажется, что это она:

Превратила все в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.
И зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.
Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Это было 29 февраля 1916 года. А вот спустя почти полвека, 16 сентября этого года, я ей говорю:

— Как же вы можете, Надежда Александровна, писать, когда вы так плохо видите?

— Я вижу буквы. Спасибо. Дальше я сама могу... Вот только не вижу вашего лица. Подойдите, пожалуйста, поближе. Вы здесь отдыхаете?

— Да, я сижу рядом с вами, за соседним столом.

— Я не слышала вашего голоса. Когда вы приехали?

— 31 августа.

— Откуда вы?

— Из Башкирии.

— Поэт, прозаик?

— Я пишу стихи.

— Я тоже — стихи, мемуары.

— Я знаю ваши стихи, недавно вот купил вашу книгу о Блоке.

— Это у вас? Она попала в Башкирию? Как я тронута, как вы обрадовали меня.

— Сразу раскупили вашу книгу, теперь ее нет в магазинах Уфы.

— А как вас зовут?

— Рами.

— Рами, будем теперь знакомы. Вы приходите ко мне, подойдите сами и скажите: «Я — Рами». Сделайте, пожалуйста, подстрочный перевод ваших стихов, мне хочется познакомиться с вашими стихами. Я живу вот в этом белом доме...

И она пошла, опираясь на палочку, — маленькая полненькая старушка в светлой широкополой шляпе, в очках с толстыми линзами — к белому дому, где она с 11 часов утра каждый день сидит, склонившись над письменным столом, и колдует над словами. Голос ее такой бодрый, грудной и мягкий, как бархат, — наверное, она очень хорошо пела пятьдесят лет назад...

Вот так познакомился я с одной знакомой незнакомкой Блока, с большой поэтессой и опытной переводчицей. Мне было бы, конечно, очень лестно, если бы она перевела хотя бы одно мое стихотворение. Но я подстрочников не сделал, просто не хотел обременять старушку. Вот сегодня опять я помог подняться ей по лестнице. Она просила меня почитать свои стихи на башкирском языке и сделать подстрочный перевод. Мы поднялись на песочную горку, где есть скамейка под соснами, и я прочел ей два стихотворения: одно лирическое старое, одно новое о море-мельнике. Она внимательно послушала и начала говорить, что в комплиментах я не нуждаюсь, а вот к совету старушки надо прислушаться. Первое стихотворение очень поэтичное по замыслу, но не зрительное, не остается в памяти, чувство надо выразить через конкретные детали — образно, конкретно, чтобы чувствовалось, что это башкирское, национальное стихотворение. А мое держится все в музыке, в чувстве. А второе — о море — очень интересное, что она еще никогда не встречала такое оригинальное сравнение — моря с мельницей. И мысль — хороша. Но что море потеет — неэстетично, а когда дыханием своим мелет муку — это нарушает правдивость образа, это просто условная красивость. Каждое слово должно гармонировать с образом мельника. Да еще — как же мельник может реветь? Мельник с мельницей у меня смешались, а это нарушает правду образа. Это, конечно, мелочь, но в этом-то и есть секрет нашего мастерства — ставить каждое слово на свое место, чтобы были, как иголочки на сосне...

Потом я проводил ее до почтового ящика, опустили два письма. Она, наверное, ведет большую переписку. Собирает

все, что есть о Блоке. Расспрашивала, переведен ли Блок на башкирский язык. Я сказал, что есть одно стихотворение в моем переводе («Превратила все в шутку сначала») и переведена поэма Блока «Двенадцать», которая вышла недавно отдельной книгой. Она очень обрадовалась и попросила, чтобы я и свой перевод, и поэму в переводе М. Сюндюкле* прислал ей в двух экземплярах. Один — для нее, другой — для какого-то Ильина, который собирает все о Блоке на всех языках мира. Дала мне свой адрес (Москва, Г-2, ул. Веснина 3, кв. 5). Скоро в Тартусском университете выйдет книга исследований и воспоминаний, где есть и ее воспоминания. Надо взять эту книгу почтой. Чтобы не забыть все это, я написал тебе. Дневники писать мне не хочется — много времени отнимает, да и лень. 23-го Дом творчества закрывается; были бы деньги, я на 3 дня поехал бы в Эстонию, в крепость Рогервик, где отбывал вечную каторгу Салават. Вчера кончил «Дагестанскую звезду» Гамзатова и «Проклятие» его. Перевел «Одиночество» Бунина. Это мое последнее письмо, наверное.

Если напишешь письмо, пошли авиапочтой. Если деньги — телеграфом. Или послала?

Ну, пока — хуш! Целую. Дома буду, наверное, в конце сентября.

Целую еще раз, дорогая! Хуш.

16.04.69 г.

Надя, дорогая! Сәләм!

Каждый день собираюсь тебе написать, и все некогда. Работы у меня хватит на три месяца! Начал переводить, но перевод оказался гораздо труднее, чем я предполагал. Это ведь и не перевод в обычном смысле, а воссоздание башкирского оригинала, притом не настоящего времени, а далекого прошлого. Это все равно что по черепу человека восстановить лицо, облик его, даже характер и психологию далекого предка, его окружение и быт, самое трудное — его язык, притом очень

* *Максуд Сюндюкле* — поэт.

сильно искаженный русским переводчиком. Вот такая задача передо мною сейчас стоит, и я нахожусь в каком-то духовном смятении, как будто стою на перекрестке сотен дорог... Все для меня загадка! Может быть, зря я взялся за такую работу, где переводческое искусство сливается с научно-историко-этнографической и чисто лингвистической работой. Это мог бы сделать только Жәлил-ағай* или Баязит-ағай**. Но их нет, а перевод нужен. Раз взялся за гуж — надо тянуть!.. Боюсь, что времени не хватит.

Первую неделю я ничего не делал, отдыхал. Оказывается, я очень устал с этим журналом***. Это я ощутил только сейчас, когда оторвался от него и как-то непривычно еще чувствую себя без него. Никогда еще так себя не отдавал ничему, как журналу. Каждая буква — это клетка моего мозга! Но этого, по-моему, никто не поймет, кроме меня самого. Сейчас он живой, имеет свое лицо, нрав и характер, имеет свой стиль и походку — может идти и без меня. Основное сделано, но какой ценой?! Это я ощутил только сейчас. Первые дни я просто не мог отоспаться: как только позавтракаю, тянет ко сну, после обеда опять клонит ко сну, и после ужина; как начинаю читать, глаза сами закрываются, и все первые ночи спал, как убитый, а утром меня всегда будил сосед Сулейман — киргизский поэт. И ел — не наедался. Я уж думал, что болею какой-то страшной болезнью — обжорством и летаргией... Вот что сделала из меня за два года моя «Дочь...» Но, слава Аллаху, я начал просыпаться вовремя и есть нормально, и мысль, кажется, вырывается из какого-то оцепенения... Появилась откуда-то бодрость, я начал заниматься физзарядкой. Старик из Татарии, ученый-фольклорист Хамид Ярми обещает еще научить меня китайской древней гимнастике...

Вот такие мои дела, дорогая. Но ты не бойся, китайцем я не стану!.. И «культурную революцию» не совершу. Я лишь вхожу в свои берега, и вся весна в Переделкино возвращает меня в нашу молодость, я много хожу по лесу, вдыхаю запах

---

* *Джалиль Киекбаев* — ученый, филолог.

** *Баязит Бикбай* — поэт, драматург.

*** Журнал «Башҡортостан ҡыҙы».

влажной земли и хвойный настой сосен, слушаю пение птиц, как человек, к которому после контузии впервые возвращается слух... Как-то я совершенно по-новому воспринимаю эту весну, как будто впервые вижу ее, и жутко становится мне, когда приходит мысль: «Не последняя ли эта моя весна?..» И таким дорогим становится весь свет: все эти березы, яблони, сосны за окном, которые застыли в предвечерней мгле и в томительном ожидании первых клейких листьев, и этот последний крупчатый снег, под которым сочится последний ручеек, даже вечерний звон колоколов со стороны станции, и гул моторов с аэродрома, и взгляд дочурки нашей с фотографии, которая смотрит куда-то в сторону, а не на меня, хотя сидит она передо мной с бантиком в волосах... И подкатывает к горлу какой-то горячий комок, и наворачиваются слезы, когда я пишу эти строки...

Да, стареем мы, наверно, Надя... и поэтому все выглядит в новом свете. Чем дальше, тем больше я скучаю по детям. Поцелуй за меня Гульку мою, и Азамата, и даже Салавата можно. Хорошо, что они есть!.. Увидеть бы их на пять минут на экране!.. Ну ладно, хватит об этом.

Был я в церкви, слушал удивительный хор, но потом кое-как вырвался из толпы, народу — тьма! Удивительно: вся молодежь в церкви, хотя целый взвод милиционеров не впускает туда. Такого паломничества я еще не видел никогда. Вот так, чем дальше, тем больше верующих и пьяниц под Москвой. Странное сочетание!..

Был я еще в Колонном зале на юбилее — 40-летие Литгазеты, слушал удивительный концерт, и, конечно, больше всех поразил меня Аркадий Райкин. Слушать его по радио — это только четверть Райкина, а он весь — в мимике. Был у Ахияра*, в МГУ, и нет у меня ни копейки... Обрадовал? Если сможешь, вышли телеграфом — 50—40 руб. И сто не мешало бы, чтобы продлить путевку заранее. Надо угостить и редактора, и переводчика. От этого зависит все. Аминь! Целую вас всех. Атай.

---

* *Ахияр Хакимов* — писатель.

Надя, дорогая, пиши обо всем подробно, что дома, о ребятах, о Гуле. Как учеба, поведение? Как наши финансы? Что нового на работе?

12.05.69 г.

Надя, дорогая!

Писать тебе некогда. Я весь ушел в сказку. Работаю теперь днем и ночью. Рука даже ноет. Первые главы читал татарскому ученому-фольклористу Хамиду Ярми, который отдыхал здесь, он очень удивился богатству языка и моему знанию стиля народных повестей, отметил, что я нашел очень верный ключ и что совершенно не ощущается перевод, все воспринимается как первозданный оригинал. Я, конечно, сам тоже думаю так и стремлюсь к этому, но боюсь: не перестараюсь ли, не обвинят ли меня в вольности перевода. Но дословный перевод меня никак не может удовлетворить, получается все по-книжному. Что будет, то будет. Я уже весь освоился в природе народной фантазии и не могу отступить. Жаль, что времени мало. В первые дни я никак не мог работать — настолько устал, оказывается. Но теперь опять нарушаю режим, иначе вся работа будет едой. Кормят очень хорошо, но хочется есть по-домашнему, так хочется иногда картошки в мундире... Ешьте там за меня!

Листья распустились, вчера был дождь, гремел первый гром, и запахло свежими листьями берез. Березы стоят, словно в зеленом тумане, как балерины, покрытые зеленой вуалью. Соловей еще не поет — каждый день жду его трели, как будто от этого зависит все! Слишком запаздывает весна в этом году.

За газеты спасибо! Как дороги вести Башкирии вдалеке от нее! Очень соскучился по башкирским песням, ухожу иногда в лес, чтобы петь самому себе. Странные концерты, да? Все-таки без Башкирии мне не жить! Приеду домой 26-го, ко Дню Нашему. Жду каждый день денег. Всем привет, целуй ребят за меня. Очень соскучился. Пиши обо всем! Целую вас всех!

Атай.

Письма ребят получил, им напишу отдельно! Но как писать Гуле?!

17.05.69 г.

Надя! Сәләм!

Получил твое письмо — так повеяло домом, детьми. Захотелось хоть минутку поглядеть на вас, на ваше «житие» без меня и уйти обратно на месяц в свое долгожданное одиночество.

Я, оказывается, могу работать! Только нужно быть самим собой, без всяких редакций, без забот... Только что вошел в русло, а время мое кончается. Когда это повторится, не знаю. Как только берусь за Есенина, прет свое. Я меж двух огней. Это немного мешает, нервирует. Времени мало. Отдыхать я, конечно, не смогу — и, вообще, смогу ли я отдыхать когда-нибудь? Этого, наверное, и не дано.

В субботу и в среду хожу к маме — это ее очень трогает, вечером до ужина копаю в саду.

Переделкино нравится, как будто впервые ощущаю пережитые студенческие годы. Описать это трудно и некогда. Главное, конечно, природа, те тополя, сосняк, мост над речкой и «святой» колодец, запах влаги, черемухи, соловьи, кукушка. Я написал бы тебе целое послание, но на это уйдет весь день.

Письмо твое о детях, конечно, меня тронуло очень, и из лирики твоей можно написать целое стихотворение, но еще не прошла горечь, оставшаяся после отъезда. Пройдет, наверное, как всегда... Но мои годы тоже проходят, «самые лучшие». Вижу я тут стариков, и мне не верится, что я тоже буду таким. Не дай бог жить так долго и мучительно. Лучше сгореть на ходу!..

Целуй ребят, дочку за меня. Приеду 24 или 25 мая. Как получишь это письмо, пошли 40—50 руб. На дорогу, телеграфом. Думал, что у Ахияра будет. Но не было. Обещал послать, но не надеюсь.

Сижу у Чистых прудов и пишу тебе, поеду сейчас в свой скворечник.

Ну, всего хорошего!

До свидания.

24.06.69 г.

Надя! Родная!

Каждый день пишу тебе в мыслях, но некогда изложить на бумаге. Вся работа в редакции запущена, и весь мой отдых сошел на нет. Настроение ужасное, очень натянутые отношения с Катибой-апай*. И погода скверная, и с переводом дело идет очень туго, из института торопят.

Ребята в лагере хорошо отдыхают. Салават ходит каким-то начальником, довольным. Азамат сразу поправился. Гулю оставил в деревне, целый день играет, бегает с ребятишками. Когда провожали меня, не плакала, как это ни странно. У инәй было копченое мясо, питаюсь этим почти полмесяца. На базаре мясо уже 4,5!.. В магазинах одна свинина. С деньгами туго, сегодня пойду в Союз, книги лежат без движения, печатают учебники. Вчера звонила еще Рустамова** и просила денег, не знаю даже, что делать. Тебе пошлю только с зарплаты 30-го числа телеграфом, наверно.

Салавату отнес курай, готовят концерт. Очень просятся в деревню. Может быть, после лагеря отвезу на 10 дней. Неплохо было бы продлить путевку в лагерь еще на один срок. Но это ты сама сделаешь, когда приедешь домой. Почему не пишешь, у тебя ведь много времени? Или «некогда»?

Ну, ладно, возвращайся скорей! Дома все пусто, хоть реви. Писал тебе какое-то сентиментальное письмо и порвал. Ничего, потерпим. Но мне кажется, что прошел целый век.

Привет Гале, «дяде Степе» и «нашей Тане», которая уже громко плачет.

Все ждем тебя, мамо! Целую!

Атай.

---

* *Катиба Киньябулатова* — поэтесса.

** *Рустамова Р. С.* — редактор журнала «Башҡортостан ҡыҙы».

29.08.75 г.

Дорогие мои!

Күп сәләм һеҙгә! Мин килеп еттем!..

В Москве две ночи ночевал у Ахияра. Очень хорошо встретил, сделал все для меня. Иначе 10 суток сидел бы в Москве.

Вот я в Самарканде, в первой столице Узбекистана, попал прямо на праздник урожая. Не описать!.. Вчера был в мавзолее Тамерлана, ознакомился с городом. Сегодня брожу по музеям. Командировку в Москве не продлили. На все житие — 75! Динису* писал, чтоб дал 50. Завтра улетаю в Душанбе. Билет заказан в обкоме.

Надя! Жарко! Где твоя прохлада?

Азамат, Гөлнара, с новым учебным годом вас! Целую.

Атай.

12.09.75 г.
Душанбе, ж/д вокзал
Самарканд «Заравшан».

Дорогие мои!

Вот я и прощаюсь с Душанбе. Сейчас следующий поезд — отправляюсь в Чимкент, потом в Бухару. Дела свои закончил. Съездил на Нурекскую ГЭС, плавал по новому морю. Впечатления огромные. Все расскажу потом. Как вы там? Уже соскучился по вам. Скоро домой! Жарко! Целую вас всех!

* *Динис Буляков* — прозаик.

СОДЕРЖАНИЕ

«Пока живешь — гори!» *З. Алибаев* 5
«Раз есть мой язык родной...» *С. Чураева* 8

СТИХИ 15
«На горном склоне в тихий час...» *(Әсәм ҡулдары)* 16
Радуга *(Тәүге һөйөү)* 17
«Сгораю, пестуя добро...» *(«Янып-көйөп йөрөйөм дә ҡайсаҡ...»)* . . 18
«Как радости не ведает предела...» *(Теләк)* 18
Юрюзань *(Йүрүҙән)* 18
«Всегда передо мной твои глаза...» *(«Күҙ алдымдан китмәҫ күҙҙәрең!»)* 19
«Спешу я к дому, путник запоздалый...» *(Ҡайтыу)* 20
«Рокочет море, словно ветру вторя...» *(Шаулай диңгеҙ)* 21
Белая ночь *(Аҡ төн)* 22
«Стужа на окне нарисовала...» *(«Ҡыш селләһе тәҙрәләргә...»)* . . . 22
Зимняя сказка *(Ҡыш әкиәте)* 23
Белый парус *(«Хыялымда яңғыҙ елкән булып...»)* 24
«Мой источник вдохновенья...» *(«Тыуған ер һәм һөйгән йәр...»)* . . 24
Родной язык *(Туған тел)* 25
Скворец *(Сыйырсыҡ)* 26
Жеребенок *(Ҡолонсаҡ)* 27
Первый цветок *(Тәүге сәскә)* 27
Гостинец *(Күстәнәс)* 28
«И виду не подам я, дорогая...» *(«Һин күрмәҫһең, иркәм...»)* 29
«Будет нелегко тебе со мною...» *(«Ауыр булыр һиңә минең менән...»)* 29
«Как мачеха, полночная луна...» *(«Шундай һалҡын, шундай сит ай...»)* 30

Последний лист *(Һуңғы япраҡ)* 30
«Последний раз, курлыча на рассвете...» *(«Һауалайҙар көҙгө сыуаҡ ҡуҡтә...»)* 31
«Земля моя, здравствуй...» *(«Бына минең тыуған ер был...»)* 31
Голоса земли *(Ер шауы)* 32
Железная дорога *(Тимер юл)* 33
«Двадцать лет — ни много ни мало...» *(Тәштәр)* 34
«Не может взрослый снова стать ребенком...» *(«Бала булып булмай, тик баласаҡ...»)* 35
Красота *(Күркәмлек)* 35
Мальчик и море *(Диңгеҙ һәм сабый)* 36
Кавказу *(Кавказға)* 36
«Лишь оторит заката позолота...» *(«Кис булдымы, тауыш баҫылдымы...»)* 37
«Боишься ты — и это не секрет...» *(«Беләм, миңә яҙмышыңды бәйләү...»)* 37
Ржаной хлеб *(Арыш икмәге)* 38
«И лучшее, ненайденное слово...» *(«Иң бөйөк һүҙ әйтелмәгән...»)* . 38
«Песня сложена, чтоб жить...» *(«Йырың, тыуғас, үлмәһен...»)* . . . 39
«И ветра шум, и зыбь листвы кленовой...» *(«Һәр бер үлән, япраҡ ҡыштырҙауы...»)* 39
«Желтые листки стихотворений...» *(«Көҙ үҙенең алтын шиғырҙарын»)* 40
Полет *(Осоу)* 40
Бессмертные *(Үлемһеҙҙәр)* 41
Клич мира *(Именлек һөрәне)* 41
Чайки *(Аҡсарлаҡтар)* 42
Жаворонок *(Һабантурғай)* 44
Снегири *(Ҡантуш турғайҙар)* 45
«Студеный лес глядит в твое окно...» *(«Тәҙрәң аша ҡарай һоро урман...»)* 45
«Сегодня желтый, пасмурный рассвет...» *(«Ниндәй шыҡһыҙ, һалҡын һары таң был...»)* 46
Облака *(Болоттар)* 46
«Зоревой петух поет...» *(«Таң әтәстәре ҡысҡыра...»)* 46
Песня горицвета *(Умырзая йыры)* 47
«Люблю влюбленных я...» *(«Мин яратам ғашиҡтарҙы...»)* 47

«Пришли без стесненья на склоне дня...» *(«Бөтәһе лә ниндәй тәбиғи был...»)* 48
«Смеялся я легко, не умолкая...» *(«Күптән көлгәнем юҡ ине шулай...»)* 48
«Ты, может быть, не так уж и красива...» *(«Былай үҙең бик матур ҙа түгел...»)* 49
«Березка мне твоим казалась станом...» *(«Күк сәскәлә күрҙем күҙҙәреңде...» (Ҡайын еләге))* 50
Солнечный дождь *(Ҡояшлы ямғыр)* 50
«Такой голубизны сегодня дали...» *(«Донъя зәңгәр, донъя шундай зәңгәр...»)*. 51
«Бывает, встретишь девушку такую...» *(«Көтмәгәндә шундай ҡыҙҙар осрай...»)* 51
Не ревнуй *(«Көнләмә һин мине үткәндәрҙән...»)*. 52
«Быть может, это все в последний раз...» *(«Бәлки, минең һуңғы һөйөүҙер был...»)* 52
«Мы с детством расстаемся без печали...» *(«Беҙ балалыҡ менән хушлашҡанда...»)* 53
Февральский мальчик *(«Ер үҙенең йәшел ҡулы менән...»)* 53
Сыну *(Тубырсыҡ)*. 54
Когда спит мой сын *(Улым йоҡлағанда)*. 54
Пастушок *(Көтөүсе)* 55
Суюнче *(Һөйөнсө)*. 56
Повар *(Ашнаҡсы)* 57
Травы *(Үләндәр)* 58
Жизнь *(Тормош)*. 58
«В который раз день без толку прошел...» *(«Күпме көнөң мәғәнәһеҙ үтә...»)* 59
«Небеса — голубое стекло...» *(«Күк көмбәҙе күм-күк быяла...» (Өлгө))* 60
Запоздавшие дожди *(Һуңлаған ямғыр)* 60
Посевная *(Сәсеүгә төшкәндә)* 61
Золотые подковы *(Алтын даға)* 62
«Ты проведи коня над темной бездной...» *(«Йөрәгеңде ус төбөндә тотоп...» (Йыр һүкмағы))* 63
«Бежит река — горит дуга крутая...» *(«Уттың ялы-ҡойроғо юҡ...»)* 63
«Я снова слышу...» *(«— Ниңә өндәшмәйһең? — тиһең миңә»)* 64

«Забыть я этой ночи не могу...» *(«Хәтеремдә ул төн, хәтеремдә...»)* 64
«Мы были, как душа, неразделимы...» *(«Бер йән инек, бергә көлгән инек...»)* 65
«Все доброе, что есть в моей груди...» *(«Ни һуң яҡшы, яҡты, матур миндә...» (Заман һынауы))* 65
Соловьиный рассвет *(Һандуғас таңы)* 66
Девушка с Иргиза *(Ырғыҙ ҡыҙы)* 67
«Вновь на рассвете море загудело...» *(Тирмәнсе)* 69
«Земля вокруг черным-черна...» *(«Ҡап-ҡара ер, ҡап-ҡара ер...» (Ер-һорнай))* 69
Кукушка *(Кәкүк)* 70
Курай *(Ҡурай)* 70
«На земле, ликуя и скорбя...» *(«Көнләшмәсе бик һаҡ кешеләрҙән...»)* 71
«Я получил письмо твое...» *(Һинең хатың)* 72
«Лети по свету — ты свободна, птица...» *(«Ос һин, ҡошсоҡ»)* 72
«Когда лечу, то с ветром в лад...» *(«Елдәр булып иҫәм, иҫкәндә...» (Һүҙем бар))* 73
«Когда блеснула седина в висках...» *(Сал ҡунғас)* 73
День Победы *(Һөтләгәндәр)* 74
«Нет весен, из былого возвращенных...» *(«Ташлап китеү ауыр үткәнде...»)* 74
Кто о чем *(Окшамаҫ һүҙ)* 75
«Наступит срок, друзья, все подытожит...» *(«Мин дә булмам бер көн, дуҫкайҙарым...»)* 75
«Приходит счастье на пир последним...» *(«Бәхет — һәр саҡ һуңлап килер ҡунаҡ...»)* 76
Старая сосна *(Ҡарағай)* 76
Рябинушка-невестушка *(Миләш-кәләш)* 77
Подсолнух *(Көнбағыш)* 77
Источник жизни *(Йәншишмә)* 78
«Всему, что в комнате твоей, — привет...» *(«Бүлмәңдәге һәр нәмәгә сәләм...»)* 78
Зеркало *(Көҙгө)* 79
Твой портрет *(«Күҙ алдымда һинең һүрәтең»)* 79
Олениха *(Болан)* 80

Родные голоса *(Туған тауыштар)* 80
«Все будет в жизни: зов пути крутого...» *(«Тормош булғас, булыр барыһы ла...»)* 81
Покинутый дом *(Емерек өй)* 81
«Чтоб в час урочный встретиться в пути...» *(«Бары һиңә генә тукталғайным...»)* 82
Жизнь человеческая *(Ғүмер)* 82
Аманат *(Аманат)* 83
Родному краю *(Һағыш)* 86
Мой щит *(Ҡалҡаным)* 87
Тоска *(«Мин диңгеҙҙең оло зәңгәр шауын»)* 87
«Наверно, ты и есть мое прощанье...» *(«Һин — минең йәшлек менән...»)* 88
«Как нет ребенка, если сказки нет...» *(«Әкиәтһеҙ бала — бала булмай...» (Әкиәт))* 88
Струна *(Бер ҡыл)* 89
«Я временем, в какое мы живем...» *(«Мин заманым менән ғорурланам...»)* 90
Баллада о Салавате *(Салауат батыр)* 91
Уфимский вокзал *(Өфө вокзалы)* 93
«И огонь умеет плакать тоже...» *(Ут илауы)* 94
Рассказ солдата *(Йондоҙ ҡашҡа)* 95
Отцовское золото *(Атай алтыны)* 97
«Такая ночь...» *(«Ниндәй төн был...»)* 98
Желание *(Кеше)* 98
Язычество *(«Ниндәй матур ҡатын-ҡыҙҙар төне...»)* 99
«Если мне суждено дожить до весны...» *(«Инде быйыл да мин яҙҙы күрһәм...»)* 99
Февраль. Буран 100

ПИСЬМА 101

Литературно-художественное издание

Гарипов Рами Ягафарович

СТИХИ И ПИСЬМА

Редактор *И. И. Садыкова*
Художник *С. М. Гилязетдинов*
Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*
Технический редактор *В. Р. Абдрахманова*
Корректор *А. М. Черепкова*

Подписано в печать 22.04.2022. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура BalticaITT. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 8,82.
Уч.-изд. л. 6,29. Тираж 1000 экз. Заказ 1.0011.22.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Биишевой.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано с готовых файлов.

Республиканское издательство «Башкортостан» — филиал
Государственного унитарного предприятия Республики Башкортостан
Издательский дом «Республика Башкортостан».
450079, Уфа, ул. 50-летия Октября, 13.

РАМИ ГАРИПОВ

СТИХИ И ПИСЬМА

КИТАП

9 785295 077647